

Г. А. ЛЮВИЧЪ-КОШУРОВЪ.

Боевая Жизнь.

ПЯТЬ РАЗСказовЪ
ИЗЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Издание Д. П. Ефимова. Москва, В. Дмитровка, д. Бахрушныхъ.
1904.

- Альтенбергъ, П. „Эскизы“. 50 к.
- Ачнасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Изд. 2-е, дополненное. 75 к.
- Образцы изящной русской рѣчи. Сборникъ. 1 р.
- Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. Изд. 2-е. 2 р.
- Три единствен. дочери. Изд. 2-е. 50 к.
- Бильзе, лейтен. Изъ жизни одного маленькаго гарнизона. 1 р.
- Браунъ, Лили. Женскій вопросъ. 2 р.
- Бернштейнъ. Проблемы социализма. 1 р.
- Бейерлейнъ, Фр. А. Иена или Седанъ? Романъ. 2 р.
- Бурне, П. Изъ-за любви. 50 к.
- Трагическая идиллія. 1 р. 50 к.
- Дѣловой человѣкъ. 75 к.
- Призракъ 1 р.
- Этапъ. 1903 г. 1 р. 50 к.
- Бьернсонъ. Свыше нашей силы. 50 к.
- Винторовъ П. Ученіе о личности. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
- Новый взглядъ на природу любви и брака. 30 к.
- Вербицкая. Освободилась. 1 р.
- Преступленіе Маріи Ивановны. 1 р.
- Вогюэ. Голоса мертвыхъ. 1 р.
- Антонъ Чеховъ. 20 к.
- Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
- Гартманъ Эд. Современ. психологія, подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
- Гауптманъ Г. Роза Берндъ. 40 к.
- Герць. Аграрные вопросы въ связи съ социализмомъ. 1 р.
- Геффдингъ, Г. Философскія проблемы. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. 50 к.
- Денисюкъ. Краткій повторительный курсъ теории и исторіи политической экономіи примѣнительно къ курсу университета. 75 к.
- Джеромъ Н. Джеромъ. Павелъ Кельверъ. 1 р. 50 к.
- Записки Горона. Отъ нашествія до „анархіи“. Среди преступленій. 1 р.
- Мошенники высшей школы и воровскія шайки. Полиція будущаго. 80 к.
- Золя. Нана. Ром. 1 р.
- Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
- Трудъ. Ром. 1 р. 50 к.
- Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. 1 р.
- Крестовская, М. Артистка. 2 р.
- Исповѣдь Мытищева. Вопль. 1 р.
- Сынъ и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
- Ревность и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
- Внѣ жизни и др. рассказы. Изд. 3-е. 1 р.
- Раннія грозы. Испытаніе. Изд. 3-е. 1 р.
- Кюльпе. Современная философія въ Германіи. 80 к.
- Ли, Юн. Дочери командора. Ром. Изд. 2-е. 60 к.
- Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. 1 р. 25 к.
- Тайны жизни. 1 р. 25 к.
- Избранные рассказы. 1 р.
- 20 лѣтъ назадъ. 1 р. 25 к.
- Вопросы и запросы жизни. 1 р.
- Недочеты жизни современной женщины. 50 к.
- Любичъ-Кожуровъ. Братъ человѣчества. 75 к.
- Боевая жизнь. 30 к.
- Мясницкій И. Проказники. 1 р. 25 к.
- Гостинодворцы. Пов. 2 р.
- Милые люди. Изд. 3-е. 1 р.
- Мануфактуръ-совѣтникъ. 2 р.
- Наши ближніе. 1 р.
- Свадьба и др. разск. 1 р.
- Бѣсъ-дѣвка. 1 р.
- Омосквичился! 25 к.
- Безъ языка. Изд. 2-е. 1 р.
- Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р. 25 к.
- Ихъ степенства. Изд. 3-е. 1 р. 50 к.
- Житейскія комедіи. Юмор. сб. 1 р.
- Отъ скуки. Юмор. сборникъ. 1 р.
- Струйки смѣха. Изд. 2-е. 1 р.
- Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова. 1 р.
- Мужья и жены. Изд. 2-е. 1 р.
- Веселые рассказы. 1 р.
- Господа коммерсанты. 1 р.
- Блестки юмора. 1 р.
- Юмористическія шалости. 1 р.
- 24 юморист. рассказа. 1 р.
- Старообрядка. Романъ. 2 р.
- И смѣхъ и грѣхъ. Юмор. сб. 1 р.
- Безъ претензій. Юмор. сб. 1 р.
- Метерлинкъ, М. Собр. сочин. Піесы. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. 1 р.
- Уральскіе рассказы, т. 4-й. 1 р.

И. А. ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ.

БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

Пять рассказовъ изъ русско-японской войны.

На развѣдкѣ. Предатель.
Харакири. Охотники.
Темной ночью.

Издание Д. П. Ефимова, Москва, Большая Дмитровка,
домъ Бахрушиныхъ.

1904.

Дозволено цензурою. Москва, 4 августа 1904 г.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.

На развѣдкѣ.

I.

Вдали завиднѣлась деревня.

Казаки попридержали лошадей, и онѣ пошли легкимъ шагомъ, мягко ступая по пыльной дорогѣ. Пыль, клубившаяся все время подъ ногами лошадей, медленно осѣдала книзу; позади, шагахъ въ тридцати, пыль еще дымилась мутно-желтой волной; но эта волна ужъ не катилась за казаками, а была почти неподвижна и расплывалась вправо, влѣво, назадъ и впередъ, какъ дымъ отъ догорѣвшихъ дровъ, затягивая сѣрой мутью низкую, жидкую траву по сторонамъ дороги...

Лошади были потны и мокры. Изъ-подъ сѣделъ, около сѣрыхъ войлочныхъ потниковъ, выступала пѣна бѣлыми мыльными хлопьями. Казаки подвигались впередъ почти безъ шума: по глубокой пыли не было слышно стука копытъ; только изрѣдка раздавался лязгающій, короткій металлическій звукъ, ко-

гда подкова задѣвала за подкову, да постоянно екала подь брюхомъ селезенка у лошадей.

Солнце ужъ было на закатѣ.

Большое красное, оно стояло надъ грядой невысокихъ скалистыхъ горъ; оно казалось совсѣмъ неподвижнымъ и словно застывшимъ на изжелта-золотистомъ небѣ. Мягкимъ свѣтомъ теплились камни и песчаная равнина передъ ними... На песокѣ отъ камней лежали голубыя тѣни.

Кругомъ было тихо и безлюдно.

Неслышно скользили въ горячемъ свѣту солнца по пыльной дорогѣ казаки, вытянувшись одинъ за другимъ. Блестѣли ихъ пики, будто внутри отполированного острія горѣли красные угольки и просвѣчивали сквозь металлъ, пронизывая его весь золотисто-краснымъ свѣтомъ. Красный отблескъ заката лежалъ и на лицахъ казаковъ, и на одеждѣ, и на ихъ лошадяхъ...

Длинныя-длинныя тѣни отъ нихъ бѣжали съ ними рядомъ по песчаному плато, отчетливо выдѣляясь на желтомъ песокѣ.

Казаковъ было пятеро: урядникъ и четверо рядовыхъ.

Когда они совсѣмъ близко подошли къ деревнѣ, они съѣхались въ кучку.

Теперь ужъ никакой звукъ не нарушалъ тишину степи.

Чуть-чуть колеблясь, теплились пики въ

воздухѣ, горѣли ровнымъ, широкимъ свѣтомъ магазинныя коробки закинутыхъ за спину винтовокъ, искрились серебрянымъ огнемъ короткіе стволы, въ мѣстахъ незащищенныхъ деревянной накладкой: возлѣ затвора и на самомъ концѣ.

Когда кто-нибудь изъ всадниковъ шевелился въ сѣдлѣ или зачѣмъ-нибудь нагибался, оттопыривъ ногу со стороны, противоположной той, куда нагибался, по всему карабину наискось по спинѣ отъ локтя до самаго уха словно проглядывала вдругъ широкая серебряная молнія... Казакъ выпрямлялся снова, и молнія разрывалась пополамъ, вспыхивая опять ярко надъ плечомъ и подъ локтемъ.

— Ну, что же, ребята, назадъ, что ль?.. Вонъ она, деревня...

Голосъ былъ сдержанный, словно казакъ говорилъ въ присутствіи засыпающаго или спящаго человѣка и не хотѣлъ его тревожить... Онъ обернулся къ товарищамъ, посмотрѣлъ на нихъ и оперся рукой о крупъ лошади...

— А? какъ скажете?..

Казакъ молчали.

Онъ опять поглядѣлъ на нихъ сразу на всѣхъ и, помолчавъ съ минуту, сказалъ:

— Тишь-то какая.

И повелъ глазами по степи...

Одинъ изъ казаковъ приложилъ ладонь ребромъ ко лбу, прижимая большой палецъ

къ виску, а указательнымъ охватилъ лобъ и сталъ смотрѣть, немного привставъ на стременахъ, черезъ плечи товарищей въ сторону деревни. Потомъ онъ отнялъ отъ лба руку, опустилъ ее вдоль тѣла и проговорилъ медленно, точно запинаясь, и продолжая смотрѣть на деревню:

— Быдто пустая.

Деревня издали отъ солнца была вся розовая... Маленькіе домишки подъ камышевыми крышами, со скатомъ въ одну сторону, обмазанные кругомъ глиной, казалось, горѣли и таяли въ солнечныхъ лучахъ; румянились позади ихъ жиденскія, невысокія деревца съ бѣлой корой.

Былки камыша, неровно торчавшія по карнизу на концахъ, точно тлѣли слабо отъ края до края вдоль карниза.

— Такъ какъ же? — заговорилъ опять урядникъ, вопросительно поглядывая на казаковъ то на одного, то на другого...

Голосъ у него все былъ такой, будто онъ говорилъ въ присутствіи спящаго... Только теперь въ голосѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сквозили и другія нотки... Будто онъ старался возвысить голосъ, и это именно потому теперь такъ странно звучалъ его голосъ, словно надтреснутый, словно онъ не находилъ въ себѣ достаточно силы сказать, такъ какъ онъ говорилъ обыкновенно съ подчиненными густо и сочно... Слова у него обрывались... Каза-

лось, вотъ-вотъ забрали слова силу и сразу вдругъ словно соскочили куда-то внизъ и разбились какъ стекло.

Онъ крикнулъ:

— Волчковъ!..

Казакъ Волчковъ выпрямился въ сѣдлѣ и слегка подался корпусомъ впередъ.

— Поѣзжай ка ты, братецъ, освидѣтельствуй...

Волчковъ хлестнулъ коня, выдвинулся впередъ и затрусилъ по дорогѣ.

Ноги его лошади сразу затянуло золотой пылью...

Минуту спустя, урядникъ сказалъ, поглядѣвъ въ лицо казакамъ:

— Ишь ты, пыли-то сколько нанесло... И не слышать какъ скачетъ...

И опять повторилъ, уже ни къ кому не обращаясь и словно чуть-чуть удивленно:

— Тишь-то, тишь какая... Ахъ ты, Господи.

Нижній край солнца коснулся скаль; отъ скаль черезъ всю степь потянулись лучи низко надъ песками.

Скоро лучи стали короче... Тѣни отъ скаль потемнѣли. Съ песковъ, казалось, кто-то невидимой рукой сдергивалъ воздушную кисею золотого газа и пески обнажались, принимая свой обычный желтый цвѣтъ.

По небу сквозь золото заката просвѣчивалъ зеленоватый оттѣнокъ.

Ужъ больше чѣмъ на половину ушло

солнце за скалы... Черезъ нѣсколько минутъ только небольшое сїяніе осталось на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно горѣлъ его огненный дискъ.

II.

Чѣмъ ближе Волчковъ подѣзжалъ къ деревнѣ, тѣмъ покойнѣе становилось у него на душѣ.

Пристально вглядывался онъ прямо впередъ передъ собою, подобравъ покороче поводья, готовый каждую секунду остановить лошадь или повернуть ее назадъ...

Винтовку онъ держалъ наготовѣ поперекъ сѣдла...

Тишина въ степи попрежнему была полная. Деревня казалась вымершей. По улицѣ противъ каждой хаты смутно обозначались на землѣ тѣни, падавшія отъ хатъ... Смутно бѣлѣли въ тѣни ихъ стѣны.

Что-то мелькнуло въ тѣни около одной изъ хатъ—точно возлѣ хаты лежала бѣлая бумага и ее подхватило и подняло вѣтромъ... Несомнѣнно, это была человѣческая фигура, но Волчковъ видѣлъ ясно только именно одно это бѣлое пятно, можетъ-быть, рубашку... Пятно казалось вынырнуло изъ темноты и остановилось, смутно бѣлѣя въ воздухѣ... И сейчасъ же Волчковъ различилъ расплывчатые очертанія головы и такія же расплывча-

тыя очертанія ногъ, казавшихся совсѣмъ черными...

Онъ попридержалъ лошадь и затѣмъ шагомъ сталъ подвигаться впередъ.

Въ ту же минуту бѣлое пятно двинулось въ сторону—куда—онъ не могъ различить, вправо или влево, и пропало.

Онъ продолжалъ подвигаться впередъ.

Сердце его билось ускоренно быстро.

Онъ все еще не зналъ, какъ онъ поступить: вернется ли назадъ къ товарищамъ, или доберется до деревни. Учащеннымъ стукомъ билось его сердце и, казалось, мѣшало ему рѣшить этотъ вопросъ.

Мысли словно прыгали, словно бились однимъ темпомъ съ сердцемъ...

Изрѣдка, сквозь мысли, сознание воспринимало мягкій стукъ лошадиныхъ копытъ неясно и неопредѣленно, — точно этотъ стукъ несся откуда-то издалека...

Являлись новыя мысли:

— А вѣдь тамъ, небось, не слышно...

И мгновенно эта новая мысль гасла въ сознании, и къ сердцу подкатывала будто холодная волна... Онъ чувствовалъ, какъ кровь стучитъ въ вискахъ,—точно жилки на вискахъ то наливаются кровью, то опять кровь отливаетъ отъ нихъ.

— А вдругъ...

Развѣ враги не могли засѣсть въ деревнѣ и поджидать его... А потомъ—хлопъ и го-

тово. Кто этотъ человекъ въ бѣлой рубахѣ съ босыми ногами. Зачѣмъ онъ убѣжалъ?.. Куда?

Глаза безпокойно бѣгали по сторонамъ, по минутно останавливаясь на рядѣ домишекъ, тянувшихся вдоль дороги съ одной стороны (деревня была построена въ одинъ порядокъ).

Ему казалось, что не онъ приближается къ деревнѣ, а деревня надвигается на него.

Было мгновенье, когда онъ не чувствовалъ подъ собой лошади и не чувствовалъ, какъ она везетъ его, потому что въ это мгновенье вся его душа сосредоточилась на одной мысли: что сейчасъ будетъ... Эта мысль словно вырывала душу изъ тѣла... И душа горѣла одна, независимо отъ тѣла.

Онъ одинъ, а тамъ ихъ, быть-можетъ, много...

Ближе, ближе надвигается деревня.

Вотъ онъ поравнялся съ крайнимъ домикомъ.

— Вернуться или нѣтъ?..

Домикъ остался позади... Другой домишка шагахъ въ десяти.

Изъ глубины улицы вѣетъ свѣжестью... Тамъ совсѣмъ темно. Ничего не видно.

А лошадь все идетъ, идетъ...

Нужно бы свернуть въ тѣнь ближе къ домамъ... Нужно, непременно нужно!

Но онъ не шевелится...

Учащенно бьется сердце. Хоть бы скорѣй...
Глаза смотрятъ впередъ прямо на одну точку...

Выстрѣль.

Точно ожгло ему щеку, точно веревка про-
дернулась по щекѣ, разрывая кожу.

Онъ поднялъ было руку, но въ это мгно-
венье въ темнотѣ впереди опять, какъ тогда
замаячило что-то бѣлое.

Онъ схватилъ винтовку, выстрѣлилъ, почти
не цѣлясь, потомъ повернулъ коня и пустилъ
его рысью по улицѣ по направленію къ вы-
ѣзду.

III.

Волчковъ выскочилъ изъ деревни и поска-
калъ по дорогѣ.

Каждую секунду онъ ждалъ выстрѣловъ
въ догонку, но выстрѣловъ не было. Онъ
поѣхалъ тише. Впереди его слышался топотъ.
Онъ совсѣмъ остановилъ лошадь и съѣхалъ
съ дороги въ сторону.

Онъ хорошо понималъ, что если бы въ
него стрѣляли не одинъ, а десять человекъ,
товарищи, можетъ-быть, ограничились бы
только тѣмъ, что подѣхали бы къ деревнѣ
самое большее на ружейный выстрѣль и тутъ
стали бы поджидать его, предоставивъ ему
самому спастись отъ преслѣдованія, какъ
ему угодно.

Онъ и самъ поступилъ бы такъ, потому

что вчетверомъ противъ десяти все равно ничего не подѣлаешь.

Но казаки, оставшіеся позади, слышали только его выстрѣлъ да выстрѣлъ этого неизвѣстнаго человѣка, ранившаго его въ щеку...

Они, несомнѣнно, теперь спѣшатъ къ нему на помощь.

Онъ вынулъ изъ кармана большой ситцевый платокъ и приложилъ его къ щекѣ, гдѣ была рана. Потомъ отнялъ отъ щеки и поднесъ къ глазамъ.

На платкѣ оказалось темное пятно.

Расправивъ платокъ и свернувъ его такъ, чтобы окровавленное мѣсто приходилось внутрь, онъ снова приложилъ платокъ къ ранѣ. Онъ чувствовалъ, какъ бѣжала подъ платкомъ теплая кровь по щекѣ внизъ, и крѣпче прижималъ платокъ.

Пуля задѣла его только слегка, но рана саднила, дергала и щипала.

Онъ понималъ, что рана пустая, но она все равно давала себя чувствовать. Онъ не зналъ при этомъ, какъ остановить кровь. Мгновеньями кровь, казалось, переставала течь. Тогда онъ прислушивался къ топоту, несущемуся издали.

Но вотъ опять теплая струйка, точь въ точь какъ тогда, когда во время купанья, залъется въ уши вода и потомъ вдругъ потечетъ изъ уха и въ ухѣ станетъ горячо,—выступала изъ-подъ платка, набѣгала на щеку...

Лошадиный топотъ вдали вдругъ словно обрывался, словно шуршанье платка, который онъ начиналъ снова разворачивать и складывать, заглушало топотъ.

— Волчковъ! Ты, что ль?

Предъ тѣмъ только что громко, прямо врываясь ему въ уши, несся издали топотъ лошадиныхъ ногъ, и тогда же у него мелькнула мысль:

— А скоро жъ они...

Но эта мысль сейчасъ же потонула въ другой мысли:

«Опять потекло».

Топотъ сталъ глуше, смутнѣй, точно потухъ въ ушахъ.

— Волчковъ!..

Почти надъ ухомъ у него фыркнула лошадь.

Волчкова окружили казаки.

Онъ видѣлъ, какъ они смотрятъ на него тревожно и вмѣстѣ съ любопытствомъ и сдерживаютъ лошадей, чтобы какъ-нибудь не толкнуть его. Даже какую-то боязливость прочелъ онъ въ ихъ глазахъ... И прочелъ, кромѣ того, что-то другое,—будто онъ, Волчковъ, для нихъ сталъ инымъ, не тѣмъ, что онъ былъ раньше...

Онъ слышалъ, какъ кто-то шепнулъ:

— Въ високъ...

И потомъ вслѣдъ за этимъ шопотомъ чей-то вздохъ и еще чей-то голосъ:

— О, Господи, Господи!

Кто-то смыгнулъ носомъ, кто-то кашлянулъ, но осторожно, должно-быть, въ руку.

Въ немъ закипѣло что-то въ душѣ, какая-то обида, противъ кого и за что—онъ не зналъ...

И онъ крикнулъ почти со злостью:

— Да не въ високъ, а въ морду... Во!

И отнялъ платокъ отъ щеки.

Точно тяжесть свалилась у него съ плечъ. Онъ смотрѣлъ на товарищей, поребѣгая взглядомъ отъ одного къ другому, и еще нѣсколько разъ повторилъ:

— Въ щеку, говорятъ вамъ, въ морду!.. Ну!

Казаки заговорили всѣ разомъ, не такъ какъ за минуту передъ тѣмъ, громко, громче чѣмъ слѣдовало, перебивая другъ друга...

Они спрашивали Волчкова, что съ нимъ случилось въ деревнѣ.

Онъ рассказалъ.

Урядникъ рѣшилъ обыскать деревню.

Волчкову и еще одному изъ казаковъ онъ велѣлъ оставаться на мѣстѣ, а съ остальными затрусилъ по направленію къ деревнѣ.

IV.

Урядникъ живо добрался до деревни.

Онъ ѣхалъ впереди, помахивая плетью. У вѣзда въ деревню онъ попридержалъ лошадь и оглянулся назадъ...

Одинъ изъ казаковъ держался немного правѣй его, другой нѣсколько лѣвѣе.

Они не сразу должно-быть замѣтили, что онъ убавилъ ходу и продолжали трусить легкой рысцой, чуть - чуть подпрыгивая въ сѣдлахъ.

Потомъ, какъ по уговору, на секунду замѣявшись на мѣстѣ, повернули лошадей въ его сторону...

Лошадь подъ тѣмъ казакомъ, что ѣхалъ слѣва, фыркнула, когда казакъ поворачивалъ ее, тряхнула головой и гривой...

Урядникъ совсѣмъ остановилъ своего коня.

Черезъ секунду казаки были около него.

Онъ взглянулъ на одного и шепнулъ:

— Валяй задами...

И махнулъ плетью на крайнюю хату.

— А мнѣ?—тоже шопотомъ въ тонъ ему произнесъ другой казакъ.

Урядникъ какъ разъ въ ту минуту опускалъ плеть.

— А ты со мной!

И онъ слегка хлестнулъ лошадь плетью.

Лошадь сейчасъ же двинулась впередъ крупнымъ шагомъ, выгибая шею, дергая и натягивая поводья.

На улицѣ теперь было совсѣмъ темно.

У перваго домика урядникъ опять остановился. Остановился и казакъ, слѣдовавшій за нимъ.

— Нужно осмотрѣть,—шепнулъ урядникъ

и, перегнувшись съ сѣдла внизъ, поправилъ что-то подъ брюхомъ у лошади.

Потомъ опять выпрямился въ сѣдлѣ.

— Пахомовъ!

Затѣмъ онъ тронулъ лошадь и придвинулся къ Пахомову почти вплотную.

— Слышалъ, что сказано...

Въ темнотѣ передъ нимъ бѣлѣло лицо Пахомова; черты различались смутно... Онъ придвинулся къ нему еще ближе. Теперь онъ замѣтилъ, какъ Пахомовъ повелъ въ его сторону глазами...

Вытягивая шею, прямо ему въ лицо, урядникъ зашепталъ опять какимъ-то свистящимъ шопотомъ:

— Струсилъ... А? Знаю я тебя. Про Волчкова вспомнилъ.

Самъ онъ не трусилъ. Будь съ нимъ не Пахомовъ, а какой-либо другой казакъ, онъ можетъ-быть самъ вошелъ бы въ хату.

Но Пахомовъ былъ молодой казакъ.

Молодыхъ надо учить.

— Слѣзай съ коня!

Пахомовъ спрыгнулъ на землю. Громко по землѣ стукнули каблуки его сапогъ.

— Тише, дуракъ!

— На-те лошадь!—какъ-то надорванно и съ хрипотой крикнулъ Пахомовъ, повернувъ лошадь за удила головой къ уряднику, и бросилъ на сѣдло ему поводья.

Потомъ онъ выругался:

— О, дьяволъ!

Урядникъ слышалъ какъ онъ оттолкнулъ ногой шашку, вѣроятно запутавшуюся у него между ногами.

— Тише, сынъ собачій!

Онъ принялъ отъ Пахомова поводья и, поворачивая свою лошадь такъ, чтобы она стала рядомъ съ Пахомовскою, зашепталъ опять:

— Тише, чортъ, говорятъ тебѣ!

Но Пахомовъ уже бѣжалъ черезъ улицу къ хатѣ...

На порогѣ онъ остановился на секунду и выхватилъ шашку. Потомъ фигура его разомъ пропала въ темнотѣ сѣней.

Въ ту же минуту въ сѣняхъ словно треснуло что-то громко на всю деревню...

Изъ темноты сѣней брызнулъ яркій свѣтъ на мгновенье и также мгновенно освѣтилась отблескомъ этого свѣта промасленная бумага въ окошкахъ, замѣнявшая стекла.

Въ наступившей затѣмъ темнотѣ и тишинѣ раздался долгій стонъ похожій скорѣе на мычаніе, и глухой стукъ.

т V.

Пахомовъ былъ убитъ наповаль.

Какъ оказалось потомъ въ него стрѣляли разрывной пулей. Пуля попала въ грудь и

прошла насквозь въ спину, сдѣлавъ на спинѣ страшную, болѣе чѣмъ въ ладонь, рану.

Убійцу Пахомова, вѣроятно, какого-нибудь фанатика, не пожелавшаго оставить деревню въ то время, когда бѣжало все населеніе деревни, казаки пристрѣлили тутъ же.

Правда, имъ много было съ нимъ возни, но они все равно отомстили за товарища.

Всего израненнаго они вытащили его на улицу и тутъ урядникъ пустилъ ему послѣднюю пулю въ високъ, потому что и раненый, онъ все еще продолжалъ обороняться.

А трупъ Пахомова они положили на лошадь и повезли домой.

И это была грустная встрѣча, когда они сошлись опять, теперь уже четверо, а не пятеро, на пыльной дорогѣ въ степи за деревней.

Кругомъ попрежнему было тихо.

— Кого?—спросилъ Волчковъ.

Онъ хотѣлъ было выѣхать впередъ навстрѣчу приближающимся товарищамъ и уже тронулъ лошадь, но потомъ остановилъ ее и снялъ шапку.

Онъ замѣтилъ, что и урядникъ, и казакъ, ѣхавшіе съ нимъ рядомъ тоже безъ шапокъ.

Что-то большое и темное лежитъ поперекъ сѣдла на третьей лошади.

Медленно ѣдутъ урядникъ съ казакомъ... Медленно ступаетъ завьюченная лошадь.

— Кого?

Но урядникъ молчить, молчить и казакъ.
Вотъ уже совсѣмъ близко.

Волчковъ вытягиваетъ шею, силится разглядѣть, поднимаетъ глаза на всадниковъ.

— Пахомова?..

— Значить Пахомова, когда мы цѣлы.

Кто это сказалъ? Урядникъ или другой кто? Хмуро смотритъ на него урядникъ, почти со злобой. Потомъ отворачивается.

Волчковъ видитъ, какъ онъ закусилъ губу.

— Прямо въ грудь,—говоритъ казакъ.

Также медленно, не убавляя и не прибавляя шага, они продвигаются мимо Волчкова и того казака, что былъ съ нимъ и ѣдутъ дальше.

Волчковъ съ товарищемъ становится имъ въ хвостѣ.

Вдругъ урядникъ оборачивается, ищетъ глазами Волчкова.

— А ты радъ, что не тебя? выкрутился!..

Голосъ у него звенитъ злобой... Даже зубами онъ скрипнулъ.

Затѣмъ онъ опять принимаетъ прежнее положеніе въ сѣдлѣ.

— Мы, вѣдь, и то думали,—говоритъ сосѣдъ Волчкова,—что тебя въ високъ...

Волчковъ опускаетъ голову.

Тихо ступаютъ лошади.

Проходитъ полчаса, часъ. Казаки молчатъ. И кругомъ вся степь будто вымерла.

И вдругъ, Волчковъ начинаетъ протяжно и немного въ носъ:

„По дикимъ степямъ Забайкалья...“

Сидитъ онъ въ сѣдлѣ согнувшись, наклонивъ голову. Онъ нѣсколько поотсталъ отъ товарищей. Лошадь у него идетъ еще медленнѣй, чѣмъ у нихъ.

— Ты же это что!

Онъ вздрагиваетъ и выпрямляется. Передъ нимъ урядникъ. Въ рукѣ нагайка.

Волчковъ совсѣмъ растерялся, мигаетъ глазами.

— Забылся... Ей-Богу... — лепечетъ онъ безсвязно...—Знаю покойникъ.. нельзя...

Словно пыхнуло ему изъ души въ лицо что-то и разлилось озаряя все лицо.

— Вѣдь живъ,—говоритъ онъ,—живъ... А вы говорите въ високъ...

Предатель.

I.

Веревкинъ хорошо зналъ Хынъ-Лунга.

Онъ даже считалъ его своимъ пріятелемъ.

Какъ - то разъ вечеромъ, когда Веревкинъ сидѣлъ на заднемъ дворѣ на сѣрыхъ каменныхъ, съ обсыпавшимися углами, ступенькахъ и игралъ на гармоникѣ, пригибая голову то къ лѣвому, то къ правому плечу, растягивая гармонику во всю ея ширину и покачиваясь медленно изъ стороны въ сторону, весь отдавшись тягучимъ, немного хриповатымъ звукамъ, то замиравшимъ въ тонкихъ нотахъ, то хрипѣвшимъ громко, какъ старыя расшатавшіяся ворота, — изъ - за досчатой изгороди осторожно высунулась маленькая сухая головка съ желтымъ, въ мелкихъ морщинахъ, лицомъ съ черненькими глазками, въ синемъ платкѣ, повязанномъ по-бабьему.

Головка высунулась и сейчасъ же опять спряталась...

Потомъ показалась снова.

Гладкій высокій лобъ блестѣлъ изъ-за изгороди какъ колѣно. Косые лучи солнца били Хынъ-Лунгу прямо въ лицо. Онъ сощурилъ глаза, затѣмъ напряженно раскрылъ ихъ, остановивъ на Веревкинѣ...

Глаза приходились какъ разъ въ уровень съ верхнимъ краемъ загородки. Тонкія бѣлеса брови поднялись надъ глазами, кожа на лбу собралась въ морщины, длинныя, извилистыя, пересѣкавшіяся вертикальной морщиной посерединѣ лба и поднимавшіяся надъ бровями параллельно бровямъ.

Хынъ-Лунгъ схватился руками за перегородку и выставился изъ-за изгороди еще больше, до самага подбородка.

Пальцы у него были большіе, съ острыми, выпиравшими на суставахъ, костяжками, съ широкими желтыми ногтями.

Хынъ-Лунгъ крѣпко держался руками за изгородь. Его ногти, казалось, впились въ полусгнившую доску.

Закусивъ нижнюю губу, неподвижнымъ, остановившимся взглядомъ онъ смотрѣлъ на Веревкина.

Когда гармоника въ рукахъ Веревкина, словно ослабѣвая или изнемогая, вдругъ замирала и ея звуки, вырвавшись передъ тѣмъ изъ-подъ клавишей смѣло и рѣзко, уходили опять внутрь и догорали тамъ тихо и слабо, — Хынъ-Лунгъ поводилъ длинной тонкой шей медленно, почти незамѣтно.

Потихоньку шея у него словно вырастала или вытягивалась, какъ шея гуся...

Голова пригибалась тоже совсѣмъ попичьему набокъ, къ плечу, — совсѣмъ такъ, будто Хынъ-Лунгъ прислушивался къ ястребиному клекоту, раздававшемуся далеко въ небѣ.

А когда гармоника начинала опять хрипѣть и ворчать или взвизгивала на высокихъ нотахъ и самъ Веревкинъ, будто эти высокія ноты врывались ему въ грудь и бушевали въ немъ самомъ, откидывался назадъ всѣмъ корпусомъ и запрокидывалъ голову, устремляя глаза кверху или прямо передъ собою и сдвигая черныя брови, — Хынъ-Лунгъ тоже поднималъ голову, выпрямляя шею, и его губы складывались въ трубочку, будто онъ хотѣлъ присвистнуть, глаза вытаращивались; затѣмъ губы у него словно раздувало изнутри, и онъ произносилъ тихо:

— Хо!..

Веревкинъ, наконецъ, увидѣлъ его.

Онъ пересталъ играть, положилъ гармонику на колѣни и сказалъ Хынъ-Лунгу:

— Ну?

Потомъ прищурилъ одинъ глазъ, скривилъ губы и показалъ Хынъ-Лунгу кончикъ языка.

Хынъ-Лунгъ улыбнулся...

— Хо, — сказалъ онъ и закивалъ Веревкину головой.

— Хорошо? — спросилъ Веревкинъ, опять для чего-то нахмурившись...

На желтомъ лицѣ Хынъ-Лунга появилось такое выраженіе, будто онъ проглотилъ что-то сладкое. Онъ повелъ шеей, прищурилъ глаза и отвѣтилъ по-русски:

— Хорошо.

Хынъ-Лунгъ умѣлъ говорить по-русски.

Въ этотъ вечеръ у нихъ и началось знакомство—у Хынъ-Лунга и Веревкина.

Хынъ-Лунгъ былъ «кули» — жалкій человекъ, работавшій слишкомъ много для другихъ и слишкомъ мало для себя.

Онъ однажды сказалъ Веревкину:

— Если бы я былъ лошадью... о...

И тутъ онъ потрясъ головой и поглядѣлъ вверхъ на небо. Потомъ остановилъ глаза на Веревкинѣ...

Почти испугъ прочелъ Веревкинъ въ этихъ маленькихъ широко открытыхъ глазкахъ...

Испугъ словно сразу и внезапно охватилъ душу Хынъ-Лунга и не могъ вмѣститься въ душѣ и хлынулъ наружу, навстрѣчу взгляду Веревкина, расширивъ какъ только можно глаза Хынъ-Лунга...

И вмѣстѣ съ тѣмъ Веревкину казалось, что Хынъ-Лунгъ смотритъ не столько на него, Веревкина, сколько внутрь себя, въ свою собственную душу.

Потомъ вѣки у Хынъ-Лунга дрогнули и на рѣсницахъ блеснуло что-то на мгновенье...

Углы губъ опустились, и Хынъ-Лунгъ сталъ кусать нижнюю губу, глядя внизъ и все быстрѣе мигая вѣками и все кусая губу.

Но Хынъ-Лунгъ удержался.

Онъ не заплакалъ.

Онъ словно проглотилъ свои слезы и свою муку...

Веревкинъ видѣлъ, какъ по его длинной грязной шеѣ, тамъ гдѣ былъ кадыкъ, будто пробѣжало что-то въ гортани,—будто онъ и правда проглотилъ эти слезы и эту муку.

— Скверно,—сказалъ затѣмъ Хынъ-Лунгъ,—когда человѣкъ начинаетъ завидовать лошади.

— Скверно,—согласился Веревкинъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать Хынъ-Лунгу, потому что онъ хорошо его понялъ и могъ бы сказать ему много, но онъ сказалъ только одно это слово... У него и у самого защемило на сердцѣ...

Хынъ-Лунгъ былъ худой—кожа да кости... Веревкинъ видѣлъ его локти, сухіе и острые, выступавшіе подъ тонкой грязной кофтой, его плечи, на которыхъ кофта висѣла какъ на вѣшалкѣ...

А когда Хынъ-Лунгъ нагнулся и кофта натянулась у него на спинѣ, прилинувъ между лопатокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ кожи на кофтѣ было темное пятно, и хужоба Хынъ-Лунга стала еще болѣе замѣтной,—онъ вспомнилъ почему-то въ это мгновенье худую, потертую черезсѣдельникомъ спину своей дере-

венской лошади, съ маслаками, которые, казалось, терли кожу изнутри при каждомъ движеніи, при каждомъ шагѣ, двигаясь подъ кожей, какъ острия кости подъ слабо натянутой резиной.

— Погоди, — сказалъ онъ хмуро, всталъ, опираясь о плечо Хынъ - Лунга, и ушелъ въ домъ. Черезъ минуту онъ вернулся, держа въ рукахъ бутылку съ водкой...

II.

Японцы дали Хынъ-Лунгу цѣлую пачку новенькихъ кредитокъ и круглое зеркало.

Хынъ-Лунгу незачѣмъ было теперь надрывать свои силы непосильной работой.

Но за это Хынъ-Лунгъ долженъ былъ служить японцамъ...

Ему сказалъ японскій капитанъ:

— Хынъ-Лунгъ! Ты станешь намъ сигнализировать вонъ съ того холма: ты будешь указывать оттуда русскихъ.

— Хорошо, — сказалъ Хынъ-Лунгъ.

Онъ говорилъ тихо, опустивъ голову.

Онъ плохо сознавалъ, что онъ говоритъ. Въ рукѣ его была пачка шелковистыхъ бумажекъ... И отъ пачки по рукѣ до самаго сердца въ крови по жиламъ точно пробѣгалъ горячій огонь.

Голова у него горѣла.

Огонь, казалось, проникалъ въ самый мозгъ и наполнялъ весь мозгъ собою...

И мозгъ пылалъ... Почти физически онъ ощущалъ, что точно искры вспыхивали въ мозгу....

На лицѣ у него то потухали, то выступали опять красныя пятна.

Капитанъ продолжалъ:

— А если ты, Хынъ-Лунгъ, передашься русскимъ, такъ тебѣ все равно не жить.

Хынъ-Лунгъ поднялъ голову:

— Я буду служить японцамъ.

Онъ крѣпко сжалъ въ рукѣ деньги... О, какъ ихъ много!

И, мигнувъ глазами, онъ крикнулъ громко:

— Да, я буду служить вамъ.

Глаза у него заблестѣли... Прямо въ лицо смотрѣлъ онъ «капитану», то ослабляя пальцы въ той рукѣ, гдѣ были деньги, то сжимая ихъ сильнѣе.

Онъ былъ какъ загипнотизированный.

Маленькій, тщедушный человѣчекъ съ желтымъ лицомъ стоялъ передъ нимъ. Хынъ-Лунгъ видѣлъ, какъ онъ дышитъ, какъ мѣрно поднимается и опускается его узкая, впалая грудь подъ синимъ мундиромъ... Не отрываясь смотрѣлъ онъ на него и ощущалъ въ себѣ что-то странное, — точно то, чѣмъ дышитъ японецъ, что поднимаетъ его грудь, невидимой силой вливается въ него, въ Хынъ-Лунга, по-

мрачая сознание, загораясь огнемъ въ огнѣ его собственнаго сердца.

Точно побѣдная, торжественная пѣснь звучала въ душѣ. Точно бушевалъ, крутятся и поднимаясь все выше, пламенный вихрь.

Вотъ онѣ, деньги...

Крѣпко онѣ держитъ свое счастье и не упустить.

Даже зубами онѣ скрипнулъ... Что-то плотоядное, дикое сверкнуло въ глазахъ, разлилось по лицу, и лицо сразу измѣнилось и стало гадкимъ, лишеннымъ всего, чѣмъ природа отличила человека отъ звѣря.

— Ну, иди, — сказалъ японецъ. — Иди, Хынъ-Лунгъ.

Онѣ отвернулся.

Можетъ-быть, ему было противно смотрѣть на Хынъ-Лунга!

— Иди, — повторялъ онѣ.

Хынъ-Лунгъ ушелъ.

Хынъ-Лунгъ сталъ шпиономъ...

И вотъ былъ день...

Хынъ-Лунгъ стоялъ на вершинѣ сопки и дѣлалъ сигналы японцамъ...

А у подошвы сопки между грудями камней и кучками нанесеннаго вѣтромъ песка лежалъ, притаившись, Веревкинъ.

Онѣ давно уже замѣтилъ Хынъ-Лунга.

Но онѣ пока не зналъ еще, Хынъ-Лунгъ ли это, или другой китаецъ.

Осторожно сталъ онъ подвигаться впередъ вверхъ по сопкѣ.

Хынъ-Лунгъ стоялъ къ нему спиною.

Вѣтеръ дулъ въ лицо Хынъ-Лунгу, захлестывая вокругъ его ногъ его синюю юбку. Юбка то прилегала къ ногамъ, то трепалась сзади.

На головѣ у Хынъ-Лунга теперь была шляпа. Изъ-подъ шляпы внизъ по спинѣ висѣла длинная черная коса.

Когда Веревкинъ былъ уже недалеко отъ Хынъ-Лунга, Хынъ-Лунгъ вдругъ повернулся.

Веревкинъ вскочилъ и вскинулъ винтовку къ плечу...

Онъ и теперь еще не разглядѣлъ какъ слѣдуетъ Хынъ-Лунга...

Въ рогулькахъ прицѣла онъ видѣлъ только худую желтую щеку да уголь глаза.

— Стой!—крикнулъ онъ, и въ тотъ моментъ, когда крикнулъ, стволъ винтовки у него вздрогнулъ, колыхнулся на сторону, потомъ немного кверху и загородилъ совсѣмъ Хынъ-Лунга,—будто это не стволъ отклонился, а самъ Хынъ-Лунгъ вдругъ отпрянулъ въ сторону съ мѣста, захваченнаго прицѣломъ...

Веревкинъ живо поставилъ винтовку опять какъ слѣдуетъ.

И тутъ онъ увидѣлъ Хынъ-Лунга...

Хынъ-Лунгъ былъ блѣдень.

Прямо въ глаза ему блестѣлъ штыкъ,—точно

серебряный лучъ сверкнулъ навстрѣчу его взгляду, когда Веревкинъ перевелъ винтовку.

Невольно онъ закрылъ глаза... Потомъ открылъ ихъ и уставился, не мигая, на Веревкина.

Веревкинъ опять крикнулъ, не отнимая отъ плеча приклада:

— Стой!..

И опять на концѣ винтовки вспыхнула яркая широкая полоса, какъ языкъ длиннаго бѣлаго пламени... Сверкнула еще разъ и—застыла...

Теперь штыкъ только сверху отливаль въ серебро, а съ боковъ и снизу казался почти синимъ.

Хынъ-Лунгъ опустилъ голову.

Веревкинъ подошелъ къ нему еще ближе.

Теперь онъ опустилъ ружье.

— Пойдемъ!—сказалъ онъ.

Голосъ у него былъ отрывистый, немного глухой... Голосъ будто звучалъ гдѣ-то внутри его, глубоко въ груди.

Смотрѣлъ онъ на Хынъ-Лунга исподлобья, сдвинувъ брови, и такъ же хмуро, какъ въ тотъ разъ, когда ему такъ стало жалко Хынъ-Лунга.

III.

Хынъ-Лунга нужно было передать китайскимъ властямъ.

Сидя подъ карауломъ, Хынъ-Лунгъ слышалъ за стѣной слѣдующій разговоръ:

— Послушайте: что, онъ еще цѣль?

— Кто?

— А этотъ, какъ его, Хынъ-Фынъ... Какъего?

— А!.. Цѣль.

— Можно снять фотографію?

— Пожалуйста. Для журнала?

— Для журнала.

И затѣмъ Хынъ-Лунгъ услышалъ какое-то мудреное слово, ему совсѣмъ неизвѣстное.

Впрочемъ онъ и безъ того не совсѣмъ ясно понималъ, о чемъ говорили у него за стѣной.

Черезъ минуту къ нему вошелъ офицеръ въ сопровожденіи солдата и сказалъ, кивнувъ головой на отворенную дверь:

— Выходи!

Хынъ-Лунгъ поднялся и вышелъ.

Когда онъ переступалъ порогъ, онъ увидалъ недалеко отъ входа господина въ высокихъ сапогахъ, подвязанныхъ ремешками немного пониже колѣнокъ, въ кожаной курткѣ и клѣтчатою куртюзѣ.

Сапоги и куртка были совсѣмъ новенькіе. Еще не обмявшаяся куртка шумѣла и шур-

шала при каждомъ движеніи. Въ рукахъ господинъ держаль фотографическій аппаратъ.

Хынъ-Лунга заставили стать спиной къ стѣнѣ.

Онъ сталъ, выпрямился, сложилъ на животѣ руки, потомъ опустилъ ихъ вдоль тѣла.

Его губы чуть-чуть шевелились, глаза останавливались то на господинѣ въ курткѣ, то на офицерѣ, то на стоявшемъ съ нимъ рядомъ солдатѣ. Вѣки мигали слабо и коротко, едва набѣгая на глаза, и сейчасъ же опять поднимаясь и застывая неподвижно надъ глазами.

Словно онъ боялся пропустить что-нибудь изъ того, что вокругъ него происходитъ.

Когда онъ увидѣлъ передъ собою фотографическую камеру на трехъ высокихъ острыхъ ножкахъ, онъ вдругъ повернулъ голову къ офицеру, приложилъ руку къ груди, подъ самый низъ груди, и секунду или двѣ шевелилъ губами беззвучно и съ усиліемъ, будто хотѣлъ говорить, а слова прилипали къ губамъ.

Потомъ онъ выговорилъ, заикаясь:

— Что со мной дѣлаютъ?

— Стой спокойно, — сказалъ офицеръ, поглядѣлъ на господина въ курткѣ и повернулся опять къ Хынъ-Лунгу.

— Мы съ тебя снимемъ портретъ.

— Онъ, можетъ, думаетъ, что его собираются разстрѣлять? — проговорилъ господинъ

въ курткѣ, высовывая голову изъ-подъ чернаго платка, которымъ онъ было накрылся. — А!..

На секунду онъ взглянулъ на офицера и затѣмъ скрылся опять подъ платокъ, протянувъ подъ нимъ руки и надвигая платокъ на аппаратъ.

Офицеръ махнулъ рукою:

— Они этого не боятся.

— А, не боятся! — откликнулся фотографъ изъ-подъ платка. — Ну, хорошо.

И, выглянувъ изъ-подъ платка еще разъ, онъ остановилъ теперь глаза на Хынъ-Лунгъ.

— Стой смирно!

Хынъ-Лунгъ вытянулся и затихъ...

Фотографъ снова убралъ голову.

Видно было, какъ шевелятся его руки подъ платкомъ, какъ онъ нагибаетъ голову то вправо, то влево.

Вдругъ онъ быстро высвободилъ голову изъ-подъ платка и крикнулъ немного визгливо:

— Смирно, тебѣ сказано!

Затѣмъ перевелъ глаза на офицера:

— Скажите ему...

Раздалось рыданіе...

Хынъ-Лунгъ, закрывъ лицо руками, медленно опускался на землю, прислонившись къ стѣнѣ и скользя по ней спиной и локтями, подгибая колѣна.

Слезы бѣжали у него по пальцамъ.

Плечи судорожно вздрагивали; грудь тя-

жело поднялась и опустилась трепетно, съ перерывами.

Хынъ-Лунгъ сѣлъ на корточки возлѣ стѣны, все не отнимая рукъ отъ лица, всхлипывая, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Встань, смирно! — крикнулъ ему офицеръ.

Но онъ только закачалъ головой и остался сидѣть, согнувъ ноги такъ, что колѣнки поднялись высоко, почти до подбородка, и скрывъ лицо въ колѣни.

Онъ сидѣлъ и шепталъ. Но никто не слышалъ его шопота, потому что онъ и стоналъ вмѣстѣ съ шопотомъ, какъ отъ невыносимой боли, раскачиваясь изъ стороны въ сторону.

Онъ шепталъ:

— Я знаю одного капитана. Капитанъ снималъ насъ всѣхъ, — отца, мать, меня и сестеръ, давно, давно... — совершенно такъ же, совершенно такъ же... Боже мой, Боже мой!.. Отецъ мой, мать моя! Что со мной сдѣлали... Ой, бѣдные мы, бѣдные!..

Х а р а к и р и .

I.

Костеръ догоралъ.

Угли покрылись пепельно-сѣрымъ налетомъ. Только когда отъ широкой, теперь совсѣмъ темной низины тянуло вѣтромъ угли съ краевъ начинали рдѣть чуть-чуть сквозь пепель молочно-розовымъ свѣтомъ. Синіе огоньки вспыхивали то тамъ, то тутъ между углями; надъ ними на мгновеніе, трепетно дрожа, загорались острые язычки краснаго пламени и сейчасъ же гасли, словно уходили внизъ, въ угли.

Марченко взялъ сырую вѣтку съ оторванными листьями и разгребъ немного угли.

Угли сразу вспыхнули ярко, точно глянули изъ золы и пепла... Кое-гдѣ затрещали еще не прогорѣвшіе какъ слѣдуетъ листья и сучья; золотое пламя широкими ясными языками занялось въ двухъ-трехъ мѣстахъ надъ углями. Угли разгорѣлись еще ярче... Горячій огонь

слизнулъ, казалось, съ нихъ покрывавшій ихъ пепель и наполнилъ ихъ насквозь до самой сердцевины.

Нѣсколько углей съ сухимъ звенящимъ трескомъ покатались въ разныя стороны.

Марченко подгарнулъ одинъ уголекъ поближе къ себѣ, разбилъ сверкавшій въ зеленой травѣ какъ рубинъ огненный кусочекъ ударомъ вѣтки надвое и, захвативъ сразу потускнѣвшій осколокъ прямо въ пальцы, перенесъ его на трубку. Потомъ сталъ раскуривать трубку, быстро отдувая и опять втягивая щеки, чмокая губами и вперивъ глаза неподвижно въ костеръ прямо передъ собою. Только брови у него чуть-чуть шевелились.

Уголекъ разгорѣлся, отсвѣчивая на мѣдной оправѣ трубки и на пальцѣ Марченко, которымъ онъ придерживалъ крышку трубки.

Въ трубкѣ около самой головки заклокотало и захрипѣло, точно тамъ забралась вода. Видно было, какъ табакъ горой выпираетъ изъ трубки.

Марченко пальцами сбросилъ уголекъ на землю и осторожно прикрылъ крышку трубки.

Затѣмъ онъ легъ, какъ лежалъ раньше, поставивъ лѣвую руку локтемъ на землю и подперевъ щеку ладонью и сталъ курить, вынимая изрѣдка изо рта трубку и пуская дымъ струей внизъ въ траву...

Елкинъ всталъ и пошелъ прочь отъ костра.

На травѣ отъ костра дрожалъ слабый от-

блескъ, и сейчасъ же какъ всталъ Елкинъ поперекъ освѣщеннаго мѣста легла его тѣнь. Въ свѣту были только его ноги; спина различалась смутно и неясно.

Елкинъ сдѣлалъ два шага; освѣщенное мѣсто сразу очистилось отъ тѣни. Фигура Елкина пропала въ темнотѣ, будто онъ провалился сквозь землю.

Черезъ минуту онъ появился опять въ освѣщенномъ пространствѣ. Теперь уже его тѣнь лежала сзади него двумя расплывчатыми косыми полосами, тянувшимися отъ его ногъ и сливавшимися такимъ же расплывчатымъ мутнымъ пятномъ на границѣ свѣта и тѣни.

Въ рукахъ Елкинъ держалъ охапку хвороста. Онъ бросилъ хворостъ на угли и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Отъ хвороста повалилъ черный дымъ, сначала рѣденькій, потомъ все гуще.

Между хворостомъ забѣгали огоньки; сухія вѣтки затрещали. Потомъ вѣтки вспыхнули разомъ.

Мгновенно освѣтилась фигура Елкина. Черная уродливая тѣнь протянулась отъ него, дрожа, волнуясь, то укорачиваясь, то удлиняясь,—сообразно тому, разгоралось ли, или ослабѣвало опять пламя костра.

И по самому Елкину пробѣжали тѣни—отъ деревьевъ, отъ Марченко, отъ кустовъ.

Тѣни переплетались, сливались въ одну общую, почти сплошную тѣнь, то закрывая

всего Елкина, то разрываясь и оставляя пятно свѣта на его лицѣ, груди, рукахъ, колѣняхъ.

Марченко вынулъ изо рта трубку, повернулъ голову въ сторону и сплюнулъ.

Потомъ онъ расправилъ усы снизу большимъ и указательнымъ пальцами, собравъ ихъ сначала надъ усами въ щепоть и затѣмъ разведя въ стороны—указательный въ лѣвую сторону по лѣвому усу, а большой—по правому.

— Елкинъ!

— Ну?

Елкинъ качнулся немного на бокъ, оперся рукой о землю и глянулъ изъ-за пламени на Марченко, сдвинувъ брови и сощутивъ глаза.

Отъ огня лицо у него было совсѣмъ красное. Каждая морщинка была видна. Пламя костра переливалось у него по лицу, освѣщая болѣе ясно то подбородокъ, то конецъ носа, то щеки, то лобъ.

Марченко смотрѣлъ внизъ, продолжая разглаживать усы и каждый разъ, какъ его пальцы продвигались по усамъ, сдвигая и опять раздвигая брови.

— Гмъ,—сказалъ онъ и вскинулъ глаза на Елкина, задержавъ свои пальцы у угловъ рта. Глаза его теперь были неподвижны и широко открыты. Красные края вѣкъ казались еще краснѣе отъ огня. Брови высоко поднялись надъ глазами и тоже, казалось, застыли.

— Гмъ,—повторилъ онъ,—гмъ...

И вдругъ, мигнувъ вѣками, прямо въ упоръ уставился на Елкина.

— Елкинъ!

Брови сдвинулись, кожа на лбу собралась въ морщины.

— Дай-ко трубочки!—сказалъ Елкинъ.

— Ты знаешь, о чемъ я сейчасъ думаю?

— Ну?..—опять сказалъ Елкинъ, протягивая изъ-за костра руку и смотря теперь уже не на Марченко, а на его трубку.

Трубка у Марченко лежала въ травѣ около камней.

Марченко молча подаль ему трубку.

Елкинъ сунулъ трубку въ ротъ и засопѣлъ ею торопливо съ присвистомъ.

— Погасла?—спросилъ Марченко.

Вмѣсто отвѣта Елкинъ только отрицательно покачалъ головою, не переставая сопѣть трубкой.

Марченко крикнулъ и, наклонивъ голову, забарабанилъ пальцами по прикладу винтовки.

Винтовка лежала съ нимъ рядомъ, стволомъ къ ногамъ. Прикладъ приходился почти надъ локтемъ.

Марченко глядѣлъ на прикладъ немного съ боку, скосивъ глаза.

Нѣсколько разъ онъ принимался насвистывать что-то потихоньку, но сейчасъ же голосъ у него обрывался, и онъ опять крикалъ отрывисто и еще чаще и дробнѣй, чѣмъ

передъ тѣмъ перебиралъ пальцами по прикладу.

— Думалъ я, — заговорилъ онъ, наконецъ, медленно поднимая глаза отъ приклада, — насчетъ того, какой у насъ рай и какой адъ.

На секунду онъ умолкъ, потомъ поднесъ указательный палецъ ко лбу и продолжалъ, сейчасъ же отнимая палецъ:

— Напримѣръ—святые... Ихніе святые такіе, можно сказать, что даже понять нельзя, сказать... Одна жуть... Стало-быть, у нихъ все по особенному.

Онъ умолкъ опять и сталъ смотрѣть въ огонь.

И вдругъ всего его словно передернуло. Онъ затрясъ головой и произнесъ, кривя губы, будто видѣлъ въ огнѣ что-то, на что не могъ смотрѣть безъ чувства гадливости и нѣкотораго страха:

— Прямо—гадость...

И снова передернулъ плечами... И по лицу у него тоже пробѣжала судорожная дрожь.

— А ты ихъ видѣлъ?—спросилъ Елкинъ.

— Святыхъ-то?

— Да.

— Какъ же не видѣлъ! Видѣлъ я и говорю пану:

«— Ваше благородіе, неужли же такіе были?»

А они:

«— Спроси у него!»

— Взяли и сейчасъ ему плеткой—тыкъ въ пузо. Потомъ говорятъ:

«— Это ихніе черти».

Потомъ подумали немного.

«— А можетъ, говорятъ, и святой!»

«— Отшельникъ?»—говорю.

А какой тебѣ отшельникъ! Ротъ, это до ушей, глаза какъ у рака, ножки маленькія-маленькія, какъ два хвостика.

Однако думаю:

— У всякаго свое... Да...

«— Отшельникъ?»—спрашиваю.

А они:

«— Лѣсовикъ».

Взяли и ушли.

Елкинъ выколотилъ трубку о каблукъ и подалъ ее Марченко.

— Можетъ и отшельникъ, — сказалъ онъ совсѣмъ равнодушно, легъ на спину, заложилъ руки за голову и, согнувъ одну ногу въ колѣнѣ подъ острымъ угломъ, закинулъ на нее другую.

— И какъ тебѣ сказать,—продолжалъ Марченко:—береть меня жуть. Какъ ночь, такъ сейчасъ и начинается. Думаю: вотъ тутъ мы сейчасъ сидимъ, а можетъ когда они тутъ ходили. Можетъ и сейчасъ какой гдѣ ходитъ. И не то что жутко, а какъ тебѣ сказать... Станешь засыпать, конечно перекрестишься.

— Господи Иисусе Христе... Да... И вот же, ей-богу, будто проваливаешься, проваливаешься все равно какъ куда въ твань, въ болото. И сейчасъ, значитъ, тутъ тебя лягушки облѣпятъ, всякіе гады... Все равно какъ ползеть къ тебѣ что-то и кругомъ сырость и тьма и не знать что... Только не наше...

— Конечно, — откликнулся Елкинъ соннымъ голосомъ.

Лѣвая нога, закинутая на колѣнку правой, сползла у него съ колѣнъ, и онъ держалъ ее теперь, какъ и правую, согнувъ подъ острымъ угломъ.

Подметки его сапоговъ скользили по сухой, обгорѣлой травѣ, ноги выпрямлялись сами собой. Онъ чувствовалъ, что стоитъ ему только вытянуться—и онъ уснетъ сейчасъ же.

И онъ, едва сапоги начинали скользить, подгибалъ сейчасъ же ноги, то одну, то другую.

— Ты спишь?—окликнулъ его Марченко.

— Нѣ,—отозвался Елкинъ.

Голосъ у него былъ все такой же сонный. Говорилъ онъ словно нехотя; слова у него сочились какъ вода.

— Спишь, вижу,—сказалъ Марченко.

Онъ недовольно шевельнулъ бровями и отвелъ лицо въ сторону.

Потомъ брови у него сдвинулись, и лицо стало хмурымъ.

Онъ снова замолчалъ.

Но, видно, ему было не подь силу сидѣть такъ и молчать. Что-то бунтовало внутри его и рвалось изнутри наружу. Пока онъ только сдерживаль себя, и то, что шумѣло и ныло у него въ душѣ, лежало пока какъ подь тяжелымъ камнемъ.

Но камень давилъ душу.

— Елкинъ!

— А?

— Я говорю, какъ же это?

И онъ приподнялся на локти и посмотрѣлъ на Елкина и потомъ черезъ него вдаль, въ тьму ночи.

— Люди же вѣдь они или нѣтъ?..

Елкинъ промычалъ что-то невнятно.

— Люди-то они люди, — заговорилъ Марченко, — а только я думаю такъ: есть мѣръ, земля. А они совсѣмъ особо. Они чужіе.

— Эге, — сказалъ Елкинъ, быстро поднялся, сѣлъ и сталъ протирать глаза.

— Чего «эге»?

Марченко нахмурился.

Елкинъ протеръ лицо и поглядѣлъ на него.

— Ты про ихнихъ святыхъ, что ль?

— Тфу!..

Марченко сплюнулъ и замолчалъ.

— У каждого своя вѣра, — сказалъ Елкинъ.

Марченко продолжалъ молчать.

— Примѣрно скажемъ, католики, — продолжалъ Елкинъ, — или другіе какіе.

— Я не про то, — заговорилъ опять Мар-

ченко.—Я говорю: нельзя этого понять, т.-е. ихъ. Вѣдь человѣкъ онъ?

— Тутешній, значить?

— Ну, тутешній человѣкъ, извѣстно.

— А Богъ у всѣхъ одинъ?

— Одинъ.

Елкинъ опять легъ на спину.

— Ну, спи,—сказаль Марченко:—я посижу.

Костерь опять началъ погасать. Но ни Елкинъ ни Марченко не подкинули въ него дровъ. Елкинъ лежалъ навзничъ, растянувшись во всю длину, одну руку подложивъ подъ голову, а другою прикрывая глаза.

Марченко, сидя на корточкахъ, набиваль свою трубку, смотря неподвижнымъ взглядомъ поверхъ трубки въ догоравшіе угли.

II.

Минуть черезъ двадцать Марченко позвали въ санитарную палатку.

Онъ растолкаль Елкина и ушелъ.

На перевязочномъ пунктѣ стояли три палатки: одна—для легко раненыхъ, другая—для тяжело раненыхъ, а третья, гдѣ находился «батюшка», для безнадежныхъ.

Марченко не зналь, что его заставятъ дѣлать на перевязочномъ пунктѣ.

Его не отправили ни въ ту, ни въ другую, ни въ третью палатку.

Ему сказали:

— Марченко, слушай внимательноѣ, что тебѣ скажутъ.

— Слушаю-сь,—сказаль Марченко.

— Ты знаешь, что такое значить «харакири»?

Онѣ подумаль минуту и отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ!

Тогда ему объяснили.

Онѣ поняль не совсѣмъ ясно. Но онѣ поняль во всякомъ случаѣ, что японцы въ трудную минуту жизни распарываютъ себѣ животъ.

Это привело его въ большое недоумѣніе.

Онѣ слышалъ, что «банзай» по-японски значить «ура» или «съ нами Богъ».

Но зачѣмъ японцы кричатъ «банзай» передъ тѣмъ, какъ распоротъ животъ?

Будто это очень пріятно Богу, когда распорешь себѣ животъ.

И онѣ отвѣтилъ не сразу, когда его спросили:

— Теперь ты понимаешь, Марченко?

Это харакири ударило его какъ обухъ по головѣ...

Нѣсколько секундъ онѣ стояль неподвижно, вытаращивъ глаза.

Слова говорившаго съ нимъ прозвучали въ его ушахъ ясно и отчетливо и вдругъ зашумѣли и загудѣли въ головѣ, какъ глухой звонъ далекаго колокола.

Эти слова словно спугнули и заглушили и залили какъ волной всѣ его мысли.

Но онъ скоро оправился.

Въ первое мгновенье изъ глазъ его даже пропала, точно уплыла назадъ куда-то вдаль, фигура стоявшаго передъ нимъ человѣка въ синемъ длинномъ сюртукѣ съ серебряными пуговицами.

Потомъ пуговицы опять блеснули, и худое лицо врача словно стало вдругъ къ нему ближе, чѣмъ онъ видѣлъ его передъ тѣмъ...

Ясно и отчетливо прозвучали опять въ его ушахъ слова:

— Теперь ты понимаешь, Марченко?

Эти слова, потонувшія въ его душѣ, словно вынырнули изъ глубины и отдались въ ушахъ какъ эхо.

Конечно, онъ понимаетъ.

И онъ отвѣтилъ:

— Такъ точно, ваше скородіе!

— Понимаешь?—переспросилъ врачъ.

Онъ повторилъ:

— Такъ точно, ваше скородіе!

И выкативъ глаза, уставился прямо въ глаза врачу.

Онъ стоялъ неподвижно, вытянувшись и прижимая руки вдоль швовъ на штанахъ.

— Часъ тому назадъ,—продолжалъ врачъ,— къ намъ привезли одного раненаго японца. Онъ—офицеръ.

Врачъ вскинулъ на него глаза.

— Слушаю-съ,—сказаль Марченко.

Онъ уже догадался, что ему хотять поручить что-то дѣлать съ этимъ офицеромъ и ставятъ ему на видъ чинъ плѣнника.

— Мы помѣстили его отдѣльно. Сестра не спала двѣ ночи. Перевязки пока ему долго не потребуется, но я полагаю, что онъ пожалуй...

И при этомъ офицеръ, сжавъ руку въ кулакъ и выставивъ впередъ большой палецъ, опустилъ руку и потомъ сдѣлаль ею движеніе снизу вверхъ по животу...

— Вчера какъ-разъ у насъ былъ такой случай. Понимаешь?

— Такъ точно.

— Ты за нимъ послѣдишь.

— Слушаю.

Врачъ повернулся въ сторону и крикнулъ:

— Ивановъ!

Изъ палатки выскочилъ фельдшеръ.

— Проводи солдата къ японцу.

Фельдшеръ махнулъ Марченко рукой и пошелъ прочь отъ палатки, на ходу вытирая руки о край своего бѣлаго фартука, который онъ тоже подхватилъ на ходу.

Марченко направился за нимъ.

III.

Въ пустой офицерской палаткѣ, гдѣ лежалъ раненый японецъ, горѣлъ фонарь.

Фонарь стоялъ прямо на полу.

Неровное пятно желтаго свѣта маячило слабо около фонаря на землѣ.

Въ углахъ палатки густилась тѣнь.

Ярко бѣлѣла чистая, очевидно только-что застланная, еще сохранившая слѣды складокъ полотняная простыня на походной койкѣ.

Свѣтъ отъ фонаря падалъ прямо на простыню.

Японецъ лежалъ на койкѣ навзничъ, протянувъ руки вдоль тѣла поверхъ байковаго сѣраго одѣяла.

Марченко, прямо какъ онъ вошелъ, бросилась кисть его руки, желтая, какъ сырой намокшій песокъ.

Рука была неподвижна. Свѣтъ фонаря освѣщалъ ее немного сбоку вдоль, и въ этомъ мѣстѣ она была чуть-чуть посвѣтлѣй...

Марченко перевелъ глаза на лицо японца.

Голова раненаго глубоко утопала въ подушкѣ, и въ тѣни его лицо казалось совсѣмъ коричневымъ, какъ прѣлое яблоко. Лобъ чуть-чуть лоснился.

Гладко остриженная голова на темени будто провалилась, потому что сейчасъ же около лба въ темянной впадинѣ лежала тѣнь.

Марченко видѣлъ, какъ тихо шевельнулись его вѣки и потомъ что-то блеснуло, какъ зернушко стекляруса, подъ вѣками и сейчасъ же потухло.

Марченко остановился у входа, опустилъ руки по швамъ и сказалъ, немного заикаясь: — Здравія желаю, ваше благородіе.

Онъ не привыкъ разсуждать, глупо или умно онъ говоритъ, — онъ всегда говорилъ, что ему приходило въ голову.

Лежи въ палаткѣ, вмѣсто офицера, японскій солдатъ, онъ, разумѣется, заговорилъ бы съ нимъ какъ-нибудь по-иному...

А что пойметъ ли его японецъ, или нѣтъ — въ данную минуту это было для него все равно.

Но онъ заговорилъ бы съ японцемъ непременно, потому что чувствовалъ, что не можетъ молчать... Едва онъ вошелъ въ палатку и увидалъ японца, въ голову ему опять полѣзли старыя мысли цѣлымъ ураганомъ...

А онъ не хотѣлъ этихъ мыслей.

И сейчасъ онъ отгонялъ отъ себя эти мысли этою своей фразой...

Какъ всегда передъ офицеромъ, онъ вытянулся въ струнку и вперилъ свои глаза въ лицо раненаго.

Онъ чувствовалъ, что дѣлается что-то внутри его, — что-то клокочетъ и рвется наружу... Охватываетъ душу что-то непонятное, глубокое, непредѣльное...

И онъ стоялъ, вытянувшись, прямо держа голову, стиснувъ зубы, почти затаивъ дыханіе... Точно то чувство, которое охватило его всего въ эту минуту, могло вырваться изъ сознанія вмѣстѣ съ дыханіемъ...

Вонъ онъ, этотъ человѣкъ, маленькій, желтый, совсѣмъ непохожій на другихъ людей.

Чѣмъ онъ живетъ, зачѣмъ живетъ? Откуда появился въ міръ? Кто его Богъ?..

Онъ закусилъ губу.

Ему уже казалось, что онъ нашель въ себѣ отвѣты на эти вопросы... Они клопочать въ груди... Онъ теперь испытывалъ дѣйствительно, будто онъ вошелъ куда-то, куда онъ не можетъ войти спокойно, потому что тамъ, куда онъ вошелъ, гадко, какъ около ползучаго гада.

Снова блеснули зернышки стекляруса, перекатились подъ коричневыми вѣками въ его сторону.

Точно маленькая змѣйка свернулась подъ одѣяломъ и смотритъ.

Одѣяло заволновалось на груди.

Марченко бросилъ взглядъ на то мѣсто, гдѣ японецъ держалъ руку, желтую, худую, съ длинными пальцами.

Руки уже не было.

Онъ перевелъ глаза на лицо.

Господи, сколько ненависти въ этомъ лицѣ, въ этихъ глазахъ, ставшихъ вдругъ большими! Ненависть горѣла въ глазахъ и оза-

ряла лицо. Въ каждой морщинкѣ, въ каждой складкѣ притаилась ненависть.

И вдругъ японецъ сбросилъ одѣяло.

Марченко видѣлъ, какъ японецъ повелъ глазами въ его сторону и остановилъ ихъ на немъ... И теперь ненависть въ его глазахъ была какая-то особенная, торжествующая и ликующая.

— Банзай!

Что-то блеснуло въ рукѣ у японца.

Марченко все понялъ.

Онъ бросился къ нему и схватилъ его за руки. Крѣпко онъ стиснулъ обѣ его руки около кисти. Японецъ разжалъ пальцы... Марченко поспѣлъ какъ разъ во-время.

Изъ правой руки на одѣяло выпало что-то маленькое, блестящее.

.....
На другой день утромъ Марченко говорилъ врачу:

— Ваше скородіе, не оставляйте болѣе меня съ ними.

Онъ даже руки поднесъ къ груди и сжалъ ихъ крѣпко, переплетя пальцы.

— Почему?

— Противно, ваше благородіе.

И по лицу его видно было, что ему точно противно.

— Хорошо,—сказалъ врачъ.

О Х О Т Н И К И.

I.

Берегъ былъ совсѣмъ недалеко.

Петровъ и Корень подняли весла. Весла слабо стукнули о борта лодки. Лодка продолжала подвигаться къ берегу сама собой. Подъ носомъ тихо журчала вода, разбѣгаясь въ стороны двумя бороздками. На концахъ намокшихъ веселъ собирались капли и падали внизъ черезъ равные промежутки времени.

Вотъ и берегъ. Отъ камышей на водѣ лежитъ черная тѣнь. И самые камыши кажутся изъ-синя черными. Тихо, неподвижно стоятъ камыши.

Когда лодка вошла въ тѣнь, фигура Петрова, сидѣвшаго на носу, вдругъ затемнилась, стала тоже какъ тѣнь, — смутною и неясною.

Онъ поднялъ весло, чтобы оно не цѣпляло за камыши, и широкій конецъ весла, сразу очутившись весь въ свѣту мѣсяца, заблестѣлъ на мѣсяцѣ, словно выточенный изъ мѣла.

Потомъ Корень видѣлъ, какъ тѣнь надвинулась дальше по лодкѣ, легла на его колѣни и медленно поплыла по колѣнямъ, захватывая его руки и обшлага рукавовъ.

Шурша камышами, лодка проползла еще немного и остановилась.

Справа и слѣва вдоль бортовъ тихо качались и дрожали камыши. Нѣсколько примятыхъ камышинокъ лежало на водѣ; ихъ втягивало подъ лодку и колебало рябью.

Петровъ повернулся къ Кореню и шепнулъ:
— Нужно подпихаться весломъ.

Корень опустилъ весло въ воду, и слышно было, какъ черезъ секунду забулькала вода вокругъ весла. Невидимые въ темнотѣ пузыри поднимались со дна и лопались на поверхности.

— Тина, — сказалъ Корень, — дюжо топко.

Онъ налегъ на весло грудью и руками. Опять зашуршали камыши, цѣпляясь о борта лодки. Верхушки камышей задѣвали Кореня и Петрова по лицу, по щекамъ, по ушамъ, по лбу. Лодка стукнулась о берегъ.

— Держи, — зашепталъ Петровъ.

Корень еще сильнѣй налегъ на весло. Петровъ обѣими руками схватился за камыши, потомъ всталъ, все держась за камыши, согнувъ спину и широко разставивъ ноги.

Лодка заколебалась, когда онъ поднялся; шлепающимъ звукомъ заплескалась вода подъ дномъ и внизу у бортовъ. Затѣмъ лодка

стала совсѣмъ неподвижно: глубоко носомъ она загрузла въ прибрежномъ илѣ.

Корень и Петровъ сошли на берегъ.

Вдоль берега сейчасъ же за камышами тянулась узкая песчаная полоса.

Дальше темнѣли невысокія скалы.

У подножья скалы, разбросанные тамъ и сямъ, какъ надгробныя плиты, различались на пескѣ смутно и неясно сѣрые гранитные камни.

Между камнями кое-гдѣ торчали былки чертополоха и еще какой-то травы, высокой, длинной, съ узкими, свѣшивавшимися внизъ листьями.

Кругомъ было тихо.

Высокіе длинные стебли казались засохшими, мертвыми. Неподвижно висѣли узкіе листья, неподвижно, какъ сонныя, склонились внизъ круглыя головки чертополоха.

Неясныя, такія же неподвижныя тѣни расплывчатыми узкими полосами лежали отъ стеблей на пескѣ и на камняхъ.

Около берега песокъ былъ мокрый. Нога вязла въ немъ почти по щиколку; въ продолговатыхъ глубокихъ слѣдахъ, оставляемыхъ сапогомъ, сейчасъ собиралась вода.

Только когда Петровъ и Корень подошли ближе къ скаламъ песокъ сталъ суше.

Изрѣдка подъ ногой чувствовался камень; нога скользила, визгливо скрипѣли крупинки песка, попадая между камнемъ и подметкой.

Приходилось неожиданно останавливаться на мгновенье, перемѣнять ногу, выбирая болѣе устойчивое положеніе, балансируя винтовкой, наклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, подаваясь корпусомъ то впередъ, то назадъ.

Корень шелъ впереди, Петровъ—за нимъ.

Нѣсколько разъ, когда Корень спотыкался о камень, Петровъ наталкивался на него, стучаясь ему головой въ спину, и сейчасъ же, вздрогнувъ, откидывался назадъ, быстро вытянувъ передъ собой лѣвую руку.

— О, чтобъ тебѣ!..—бормоталъ онъ.

Камни попадались все чаще и чаще.

Корень вдругъ остановился, круто повернулся къ Петрову и уставился на него, сдвинувъ брови и закусивъ нижнюю губу.

— Вотъ и пойдѣ, выбей его тутъ,—проговорилъ онъ и, отведя потомъ руку въ сторону, громко хлопнулъ ладонью по ногѣ сбоку около колѣнки.—Ахъ ты, Господи!..

Онъ оглянулся кругомъ и вздернулъ плечи.

— Петровъ?

— Ну? — сказалъ Петровъ и повторилъ опять черезъ секунду, взметнувъ глазами на Кореня:

— Ну?..

Корень молчалъ.

— Тьфу! — сплюнулъ онъ вдругъ, повернулся такъ же круто, какъ раньше, и такъ же внезапно и пошелъ дальше.

Онъ теперь прибавилъ шагу.

Онъ не разбираеть теперь, камень ли передъ нимъ, выбоина ли, или ровное мѣсто.

Когда попадался камень, онъ не сворачиваль въ сторону, а шель прямо, вскакивая на камень, вскакивая потомъ на другіе камни. Онъ только все плевался и бормоталь что-то отрывисто и глухо.

Петрову даже казалось, будто онъ нарочно выбираеть такія мѣста, гдѣ побольше камней. Ступаль онъ по камнямъ твердо, плотно, всей ступней, будто хотѣль ихъ вдавить поглубже въ песокъ.

Будто онъ давилъ эти камни и вымещаль на нихъ злобу.

— Корень!..

Петровъ быстро присѣль... Корень былъ къ нему спиною, но онъ все равно махнулъ ему рукой, самой кистью, поднеся ее близко къ лицу, и потомъ поманиль пальцемъ.

— Корень!.. Стой...

Корень остановился.

— Иди сюда.

Петровъ говорилъ шопотомъ, вытянувъ шею, поставивъ руку локтемъ на колѣно и держа кисть руки передъ глазами, растопыривъ пальцы.

Когда Корень повернулся, онъ опять поманиль его:

— Иди, говорятъ тебѣ!..

Корень легко, почти безшумно, на однихъ носкахъ перескочилъ, согнувшись, черезъ ка-

мень, потомъ черезъ другой, согнулся еще больше и тоже, какъ Петровъ, присѣлъ противъ него на корточки.

— Чего ты?

Тревожно онъ оглянулся по сторонамъ.

— Огонь, — прошепталъ Петровъ, — тамъ огонь.

И, схвативъ Корень одной рукой за плечо, онъ протянулъ другую руку по направленію къ скаламъ.

Между скалами вдали маячилъ неясно какой-то странный молочный мутно-бѣлесый свѣтъ, похожій на свѣтъ бумажнаго фонаря.

— Видишь?

— Вижу.

Свѣтъ вдругъ затемнился.

Потомъ блеснулъ опять.

— Должно, строеніе, — сказалъ Корень.

Петровъ кивнулъ головой.

Свѣтъ снова погасъ... снова вспыхнулъ.

— Пойдемъ, — шепнулъ Петровъ и поднялся.

Корень тоже всталъ.

— Пойдемъ.

Они опять двинулись впередъ.

Отъ скалъ вѣяло холодомъ.

Когда Петровъ и Корень очутились въ полость тѣни, падавшей отъ скалъ, холодъ ихъ охватилъ сразу, будто они переступили порогъ погреба.

Ихъ рубахи были потны и тоже сразу за-холодѣли.

Холодный воздухъ забирался подъ рубахи, по тѣлу пробѣгалъ ознобъ.

Они вошли въ узкое извилистое ущелье. Тамъ было совсѣмъ темно.

Только съ одной стороны на выступахъ скалъ кое-гдѣ лежалъ свѣтъ мѣсяца голубоватыми пятнами и полосами... Къ счастью дно ущелья было совсѣмъ ровное, какъ русло высохшей рѣчки, и это нѣсколько облегчало передвиженіе почти въ абсолютной темнотѣ, между нависшими каменными громадами.

II.

Пройдя по ущелью саженой пять, Корень и Петровъ остановились.

Передъ ними была почти отвѣсная скала.

Они давно уже потеряли изъ виду мутный, бѣлесый огонекъ, тускло блестящій вдали. Каждую секунду они ожидали увидѣть его снова, но передъ ними все время, пока они пробирались по ущелью, была глубокая тьма.

Теперь итти дальше было некуда...

Сѣрая каменная грудь выдвинулась навстрѣчу имъ изъ мрака и загородила дорогу.

Петровъ провелъ по скалѣ ладонью.

Она была склизкая и мокрая, какъ стѣна въ сыромъ подвалѣ.

Онъ повернулся къ Кореню и сказалъ:

— Шабашъ!

Потомъ опять приложилъ ладонь къ скалѣ.

— И холодная жь...

Корень тоже подошелъ къ скалѣ, поднялъ сначала одну руку, потомъ другую.

Петровъ слышалъ, какъ рукава его рубахи засмурыгали по скалѣ.

Сверху покатались мелкіе камешки, песокъ.

Все такъ же темно было кругомъ. Петровъ стоялъ близко къ Кореню, но различалъ его плохо въ темнотѣ... Только фуражка Кореня чуть-чуть бѣлѣла да его рубаха, и когда Корень взмахнулъ руками, поднимая ихъ кверху, его руки только на мгновенье мелькнули въ воздухѣ и сейчасъ же пропали.

Лишь спустя немного Петровъ опять различилъ ихъ неясно и смутно на сѣрой стѣнѣ скалы... Но онѣ теперь казались ему какъ руки призрака...

— Есть! — вдругъ сказалъ Корень.

Опять посыпались песокъ и камни.

Фигура Кореня колыхнулась, потомъ продвинулась по скалѣ немного кверху, словно вытянулась... И застыла, будто прилипла къ скалѣ.

Камни и песокъ продолжали сыпаться.

Мелькнули въ темнотѣ руки Кореня... Опять вздрогнуло его тѣло, опять вытянулось. Его рубаха сразу забѣлѣла почти на поларшина выше.

Онъ взбирался вверхъ по скалѣ...

— Сорвешься... Гляди, — зашепталъ Петровъ, нащупалъ ноги Кореня и привалился плечомъ къ скалѣ...

— Становись мнѣ на плечо...

Онъ чувствовалъ, какъ Корень ерзаетъ по скалѣ ногой у него надъ головой.

— Ну? — шепнулъ онъ и самъ подвелъ плечо подъ его ногу.

Корень ступилъ на плечо...

Потомъ сталъ подтягиваться кверху...

— Пускать? — спросилъ Петровъ.

— Пускай.

Петровъ откачнулся отъ скалы, поднялъ голову...

— Ну, что?

Корень теперь уже былъ вверху, почти на высотѣ человѣческаго роста.

— Ничего... Крѣпко...

— Есть за что ухватиться?

— Есть...

А песокъ и камни все сыпались... Нѣсколько песчинокъ попало Петрову въ глаза. Онъ сталъ протирать глаза, отодвигаясь въ то же время отъ скалы, потому что чувствовалъ, какъ ему то и дѣло попадалъ песокъ на голову, за воротникъ, на лицо и руки.

Песокъ и камни посыпались вдругъ сильнѣй, цѣлымъ каскадомъ, — точно дождь зашумѣлъ. Потомъ сразу стало тихо. Слышался только едва уловимый шорохъ.

— Петровъ!..

И сейчас же что-то заерзало съ глухимъ шуршаньемъ по скалѣ совсѣмъ близко около Петрова, совсѣмъ у него надъ ухомъ.

— Дай плечо...

Петровъ, какъ раньше, прислонился плечомъ къ скалѣ, продолжая протирать глаза, отклонивъ немного голову въ сторону.

На этотъ разъ Корень только слегка коснулся его плеча и почти безъ шума спрыгнулъ внизъ.

— Не долѣзь? — произнесъ Петровъ, нагнувъ голову, прищурилъ глаза и потомъ мигнулъ вѣками и опять прищурился и сталъ тереть лѣвый глазъ около переносицы.

Корень слышалъ, какъ онъ выругался про себя.

— Тьфу, ты, пропасть...

— Тамъ фанза, — заговорилъ онъ торопливо, — тутъ, шаговъ двѣсти...

Замѣтно было, что онъ волнуется.

Вдругъ онъ схватилъ Петрова за плечо.

— Петровъ!..

— А?

— Ты думаешь, не слышно тамъ, какъ сыпался щебень?..

Онъ тяжело перевелъ духъ.

— Ухъ... и замаялся же...

— Ну, вотъ, — сказалъ Петровъ, — чего слышно...

Онъ, наконецъ, пересталъ тереть глаза.

— Какъ можно, чтобъ слышно...

— А мнѣ—и не приведи Богъ... Самъ лѣзу, а камни: тырѣ-тырѣ-тырѣ, тырѣ-тырѣ тырѣ,— все равно, какъ громъ... А какъ посыпались въ послѣдній разъ—прямо прилипъ...

— Развѣ можно, чтобъ слышно!—опять сказалъ Петровъ.

— А тутъ еще винтовка стучается, проклятая...

Корень замолчалъ.

-- Фанза?—спросилъ Петровъ.

— Чего?

И вдругъ Корень словно опомнился.

— Фанза... большая... три окошка съ бумагой, и всѣ свѣтятся.

Онъ опять перевелъ духъ.

— А часовыхъ не видно?

— Не видать... А она какъ на ладошкѣ... Бѣлая вся... Большая фанза... Лошади около стоятъ.

— Много?

— Три лошади... Слышно какъ фыркаютъ. Далеко, а слышно...

Онъ опять умолкъ.

Потомъ взялъ Петрова за руку около локтя.

-- Погоди...

И затаилъ духъ.

— Слышишь?

— Чего?

Корень надавилъ пальцами на его руку.

— Во, во...

Петровъ молчалъ.

— Во!— снова вспыхнулъ шопоть Кореня...
Вспыхнулъ и погасъ.

— Надо лѣзть, — сказалъ Петровъ, —
вотъ что.

Корень встрепенулся.

— Извѣстно, надо.

И суетливо зашарилъ руками по скалѣ,
нащупывая мѣсто, куда бы поставить ногу.

— Готово, — шепнулъ онъ черезъ се-
кунду.— Тутъ приступочка, а сейчасъ дру-
гая... Можно и такъ, одному... плеча не
надо... А ты за мной...

Проворно онъ сталъ карабкаться по скалѣ...

Опять посыпались внизъ камни и песокъ.

Черезъ минуту фигура Кореня скрылась на
вершинѣ скалы.

— Давай руку,— донесся оттуда его шо-
потъ.

— Давай! — шепнулъ онъ опять черезъ
секунду.

Петровъ видѣлъ, какъ что-то бѣлое маячить
на гребнѣ скалы.

— Сейчасъ,— откликнулся онъ.

Не безъ труда разыскалъ онъ приступочку
и потомъ другую приступочку повыше и сталъ
взбираться.

Изъ-подъ его ногъ то и дѣло срывались
камни и летѣли внизъ.

Корень что-то шепталъ ему сверху, но онъ
слышалъ плохо...

Наконецъ, онъ разобралъ, что ему шепчетъ Корень:

— А лодка-то?.. Какъ ее отшибетъ волной?..

Петровъ пробормоталъ ему невнятно:

— Небойсь...

— Небойсь?

И Корень сталъ вдругъ смѣяться тихимъ долгимъ дробнымъ смѣшкомъ...

— Чего ты?

Переплетая слова со смѣхомъ Корень, отвѣтилъ:

— Охотники мы... Значить, намъ наплевать... Ишь куда забрались... Воронъ костей не заносилъ... А мы какъ у себя на печкѣ... — И тутъ смѣхъ словно струей залилъ его слова. — Ты знаешь, какъ я тутъ?

— Какъ?

— На брюхѣ лежу... А ты ко мнѣ лѣзешь... Ну, давай руку... Да гляди, не побей горшковъ... Кочерги не повали...

И онъ опять засмѣялся.

III.

Дверь фанзы была открыта настежь.

Широкая полоса свѣта лилась чрезъ дверь. Точно серебряный коверъ лежалъ на каменныхъ ступеняхъ. Ступени были широкія, шире, чѣмъ порогъ двери. Воздушная серебряная ткань бѣлѣла какъ разъ посрединѣ ступеней.

Въ дверь видна была почти вся внутренность фанзы.

Высокій пожилой китаецъ стоялъ на колѣняхъ посрединѣ фанзы на невысокомъ табуретѣ въ напряженной, неестественной позѣ.

Къ его рукамъ и ногамъ на тоненькихъ бечевкахъ были привязаны большіе, вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ, камни.

На рукахъ камни были прицѣплены къ указательнымъ пальцамъ на самыхъ кончикахъ пальцевъ, немного повыше ногтя...

Камни, видно, привязали только что.

Они тихо крутились, то завивая бечевку, то вдругъ останавливаясь на мгновенье и потомъ медленно начиная вращаться въ другую сторону...

Тогда бечевка развивалась медленно, обороть за оборотомъ... И когда изъ одной бечевки становились двѣ, еще болѣе тонкихъ, онѣ сразу вздрагивали...

Опять неподвижно замиралъ камень и черезъ секунду начиналъ снова вращаться еще медленнѣй, еще тише, снова перекручивая бечевки...

На полу отъ камней лежали рѣзкія черныя тѣни.

Тѣни тоже двигались, ширились, расползались, опять суживались, опять становились шире.

Китаецъ держался совершенно прямо. Голова была чуть-чуть откинута назадъ... Глаза выпятились. Двѣ слезы застывшія блестѣли на рѣсницахъ. Подбородокъ дрожалъ непрерывной дробной дрожью... Эта дрожь

пробѣгала отъ края подбородка до нижней губы, трепетала въ углахъ губъ, на скулахъ...

Жилы на лбу и на вискахъ надулись.

Въ фанзѣ слышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ...

Разговаривавшихъ не было видно... Только иногда на стѣнѣ съ боку китайца вдругъ выростала тѣнь отъ человѣческой фигуры, высокая, уродливая, до самаго потолка, переходила и на потолокъ; потомъ сокращалась сразу, сбѣгала со стѣны и пропадала куда-то, будто растаявъ мгновенно въ яркомъ свѣтѣ, заливавшемъ внутренность фанзы.

Минутами на стѣнѣ появлялся огромный темный профилъ съ расплывчатыми очертаніями или рука,—какъ огромная перчатка, сотканная изъ мрака...

Разговоръ шелъ ни на русскомъ, ни на китайскомъ, ни на японскомъ языкѣ...

Временами слышался смѣхъ. Иногда голоса умолкали, и тогда въ фанзѣ звучалъ одинъ голосъ, грубый, хриплый, отрывистый, какъ карканье вороны.

У задней стѣны въ углу Корень съ Петровымъ разсмотрѣли ружья.

Ружья тоже были не наши, не японскія,—съ длиннымъ, безъ накладки, вороненымъ стволомъ съ затворомъ, снабженнымъ рычагомъ въ видѣ шишечки.

Но Кореню и Петрову хорошо были знакомы эти ружья.

— Гляди,—шепнулъ Корень,—берданки.

Петровъ кивнулъ головой и отъ себя, также шопотомъ, замѣтилъ:

— Должно, хунхузы...

Корень зашепталъ снова:

— Человѣкъ, небось, пять.

— О, Господи!—вдохнулъ Петровъ.

Камни на рукахъ несчастнаго продолжали крутиться.

Теперь онъ закусилъ нижнюю губу... Кожа на губѣ снизу побѣлѣла...

И вдругъ изъ-подъ желтаго, выставившагося наполовину изъ-подъ верхней губы зуба выступила капля крови.

Выступила и округлилась.. Потомъ расплылось вдоль всей губы...

— Господи, Господи...

У Кореня и Петрова губы тоже были закушены...

Они ужъ не слышали ни смѣха, ни противнаго отрывистаго карканья.

Они видѣли только, какъ крутятся медленно безостановочно камни на тонкихъ бечевкахъ... Крутятся-крутятся, остановятся и опять начинаютъ крутиться.

Опять выступила около зуба капля крови... Задержалась на мгновение и словно лопнула. Кровь проступила отъ зуба по всей губѣ.

Петровъ вскочилъ.

— Господи, да что же это!..

Теперь онъ ужъ крикнулъ громко, рѣзко, негодующимъ голосомъ... У него это вырвалось какимъ-то отчаяннымъ воплемъ.

Корень вскочилъ тоже.

Взявъ винтовки на руку, они пробѣжали небольшое разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ фанзы, и ворвались въ фанзу.

IV.

Въ фанзѣ были трое солдатъ-корейцевъ.

Корень и Петровъ застали ихъ врасплохъ.

Двое изъ нихъ кинулись было къ ружьямъ, но Корень тутъ же прикололъ ихъ обоихъ... одного—когда онъ выбирался изъ-за стола, а другого—въ углу, возлѣ ружей...

Третій не сдѣлалъ никакой попытки ни къ сопротивленію, ни къ бѣгству.

Ему скрутили руки.

Потомъ Петровъ разрѣзалъ бечевки на рукахъ и ногахъ несчастнаго китайца.

Китайца онъ усадилъ на лавку передъ столомъ.

Бѣдняга прислонился спиной къ стѣнѣ и долго сидѣлъ неподвижно, дыша тяжело и быстро, беспомощно протянувъ руки вдоль тѣла. Потомъ поднялъ руки и сталъ дуть на пальцы, то на одинъ, то на другой...

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на Петрова и Кореня и трясъ головой и опять принимался дуть на пальцы. Всунулъ затѣмъ одинъ палецъ въ ротъ и сталъ сосать, морщась и махая другимъ пальцемъ...

Пальцы, видно, у него сильно горѣли.

Минуть черезъ двадцать онъ, однако, не-

много оправился, всталъ съ лавки и сталъ ходить возлѣ стола, опираясь рукой о край стола, сгибая ступни и колѣни, какъ разслабленный. Руки у него дрожали и подгибались.

Словно кости вышли у него изъ суставовъ.

— И за что?..—сказалъ Петровъ.

Китаецъ поглядѣлъ на него и улыбнулся.

Только улыбка у него вышла какая-то дрожащая...

Онъ весь вздрагивалъ отъ времени до времени нервной, мгновенной, пробѣгавшей по всему тѣлу дрожью... И все трясъ головой.

— Я знаю русски,—сказалъ онъ.

— Говоришь?

Онъ кивнулъ головой, остановился, опершись о столъ обѣими руками, и заговорилъ, все продолжая вздрагивать и трясти головой:

— Я помогъ бѣжать одному большому русски капитанъ... За это мучили...

И облизнулъ языкомъ губы; потомъ сплюнулъ,—должно-быть, онъ ощутилъ на губахъ и во рту соленый вкусъ отъ крови.

Наконецъ онъ оправился совсѣмъ.

Потянулся, расправилъ руки и подошелъ къ углу, гдѣ стояли ружья...

Онъ взялъ одно ружье, осторожно отодвинулъ затворъ, вынулъ патронъ и опять поставилъ ружье на мѣсто.

Затѣмъ сѣлъ къ столу и досталъ изъ-за рукава ножъ въ желтомъ кожаномъ чехлѣ...

Ножомъ онъ разрѣзалъ пулю въ патронѣ

крестъ-накрестъ съ носика до самыхъ краевъ патрона... Взялъ потомъ патронъ за заплечики и, въ первый разъ теперь взглянувъ на связаннаго корейца (до сихъ поръ онъ ни разу не обращалъ глазъ въ его сторону), потрясъ патрономъ въ воздухъ...

Глаза его сощурились, губы растянулись въ кривую улыбку, обнаживъ желтые неровные зубы...

Онъ сказалъ что-то корейцу, медленно сдвигая и раздвигая зубы... А губы у него при этомъ, казалось, застыли, плотно прилипнувъ къ деснамъ, растянувшись еще больше, такъ что даже края десны покраснѣлись изъ-подъ верхней губы.

Взявъ опять берданку, онъ положилъ ее къ себѣ на колѣни и вложилъ патронъ.

Берданка теперь была страшнымъ оружіемъ въ его рукахъ...

Пуля берданки съ крестообразнымъ разрѣзомъ на концѣ наноситъ еще болѣе ужасныя пораненія, чѣмъ прославившіяся въ свое время пули «думъ-думъ»...

— Пусть русски спитъ немного, — сказалъ онъ Петрову, — русски усталъ. Я буду караулить... Японцевъ далеко нѣтъ... Хунхузъ тоже нѣтъ.

Но Петровъ отказался отъ этой услуги.

Онъ объяснилъ китайцу, что имъ пора домой и что корейца они тоже захватятъ съ собой.

— Тогда и я пойду, — сказалъ китаецъ, — я буду его караулить.

Всѣ вчетверомъ они вышли изъ фанзы.

Китаецъ сталъ сзади корейца и всю дорогу до рѣки шелъ за нимъ по пятамъ въ разстояніи шага.

И ни Петровъ, ни Корень не видѣли, какъ въ камышахъ онъ разрѣзалъ своимъ ножомъ веревку, стягивавшую руки плѣнника ..

Онъ шепнулъ корейцу:

— Ты меньше всѣхъ издѣвался надо мной...
Бѣги...

Петровъ и Корень въ это время возились ужъ возлѣ лодки.

Кореецъ безшумно скользнулъ назадъ и выбрался изъ камышей...

Вонъ скалы... Вонъ она—свобода.

Китаецъ вскинулъ берданку... Зарокоталь выстрѣлъ...

Прощай жизнь!

— Онъ разорвалъ веревку, — сказалъ китаецъ, когда къ нему подбѣжали Корень и Петровъ, — моя сказалъ: пусть русски спить... онъ бѣжалъ, моя стрѣлялъ.

Кореецъ корчился и бился на песокѣ... Китаецъ подбѣжалъ къ нему и повернулъ грудью вверхъ.

Страшная кровавая рана зіяла почти во всю грудь...

— Хо ¹⁾... хорошая пуля...

1) По-китайски „хо“ — хорошо, ловко.

Темной ночью.

I.

За стѣной слышался чей-то громкій шопоть:
— Акимовъ!.. Акимовъ...

И черезъ минуту опять:

— Акимовъ!..

Потомъ заскрипѣла кровать... Кто-то шмурыгнулъ рукой по стѣнѣ съ той стороны и зачавкалъ спросонья губами.

Опять заскрипѣла кровать, а другой голосъ немного испуганно произнесъ тоже шопотомъ;

— А!

Снова послышалось сонное чавканье, снова скрипнула кровать и вслѣдъ затѣмъ Савельевъ услышалъ, какъ Акимовъ, его денщикъ, вскочилъ съ кровати.

— Доложи ихъ благородію, — заговорилъ все также шопотомъ незнакомый Савельеву голосъ. — Слышь, Акимовъ!..

— Акимовъ! — крикнулъ Савельевъ.

За стѣной на секунду стало тихо...

И въ комнатѣ Савельева было тоже тихо. Ясно, отчетливо затикали въ этой тишинѣ

карманные часы Савельева, висѣвшіе надъ кроватью...

И сейчасъ же ихъ тиканье слилось съ слабымъ протяжнымъ скрипомъ—дверь въ комнату Савельева отворилась.

Между половинками двери просунулась круглая стриженная голова.

— Ваше благородіе...

Опять скрипнула дверь... Въ полутьмѣ блеснула желѣзная, обтершаяся отъ времени скобка двери...

Акимовъ осторожно, закусивъ верхнюю губу, вздернувъ брови и наморщивъ лобъ, протискался между половинками двери, не растворяя ихъ больше—словно сбоку двери стоялъ какой-нибудь предметъ — столъ или шкафъ, мѣшавшій распахнуть ее шире.

Онъ былъ въ рубахѣ и въ сподникахъ, отдувавшихся на колѣняхъ и едва доходившихъ ему до щиколокъ. Отъ сподниковъ внизъ висѣли завязки.

— Что тамъ?—спросилъ Савельевъ.

— Изъ секрета человѣкъ пришелъ, ваше благородіе.

— Позови!..

Должно быть «человѣкъ изъ секрета» слышалъ, стоя за дверью голосъ Савельева и, должно-быть, то, зачѣмъ онъ пришелъ къ Савельеву и о чемъ сейчасъ долженъ былъ объяснить ему, самого его интересовало и интриговало сильно. Онъ кашлянулъ какъ-

то по особенному, словно уже стоялъ передъ Савельевымъ и собирался ему «докладывать» и затѣмъ переминался съ ноги на ногу, скрипя сапогами.

Акимовъ чуть-чуть согнулъ станъ и въ тоже время нащупывалъ рукою дверную скобку... Дверь опять тихо отворилась. Фигура Акимова словно провалилась въ дверь.

Въ комнатѣ, освѣщенной одной только лампадкой былъ полумракъ и, казалось, Акимовъ только на секунду ушелъ за дверь и опять появился на порогѣ, сразу преобразившись... Теперь онъ былъ въ сапогахъ и черныхъ шароварахъ...

На черномъ сукнѣ шароваръ смутно бѣлѣли руки. Смутно бѣлѣло лицо.

— Изъ секрета?—спросилъ Савельевъ.

— Такъ точно...

— Что такое?

Савельевъ поднялся на кровати и сѣлъ. «Человѣкъ изъ секрета» отвѣтилъ не сразу. Онъ поднялъ руку къ лицу и кашлянулъ въ ладонь. И сейчасъ же быстро опустилъ руку, словно испугался и замеръ на мгновенье.

— А?—сказалъ Савельевъ.

— Женщина,—крякнувъ, будто съ трудомъ выговорилъ солдатъ.

Въ комнатѣ стало тихо.

Опять затикали часы.

— Ихняя, ваше благородіе.

Рука у солдата дрогнула, снова подымаясь

кверху, но онъ задержалъ это движеніе и повторилъ, крикнувъ, какъ раньше, тоже словно одернувъ себя:

— Японская, ваше благородіе... на конѣ...

Савельевъ чуть-чуть шевельнулся въ его сторону.

— Допрашивали? — спросилъ онъ черезъ секунду.

— Такъ точно...

— Ну?..

Солдатъ развелъ руками.

— Нельзя-съ понять...

И быстро добавилъ:

— А по-русски, ваше благородіе, говоритъ чисто. И я такъ полагаю, она не изъ простыхъ...

Онъ снова кашлянулъ тихонько.

— Онѣ-съ барышня.

— Гдѣ она?..

— Тутъ-съ... Я, извольте видить, стоялъ подчаскомъ...

— Погоди, — перебилъ его Савельевъ и самъ замолчалъ, вставая съ постели.

— Можетъ, ваше благородіе, изъ шпионокъ? Савельевъ застегнулъ мундиръ.

— Пойдемъ.

Онъ подошелъ къ углу, гдѣ стояла шашка, прицѣпилъ ее неторопясь и направился къ двери.

Дверь передъ нимъ распахнулась словно сама собой во всю ширину.

Въ сѣняхъ онъ увидѣлъ Акимова уже успѣвшаго одѣться. Акимовъ стоялъ, вытянувшись, держась правой рукой за скобку двери. На лѣвой рукѣ черезъ локоть висѣла шинель Савельева.

Савельевъ прямо прошелъ къ выходной двери.

Акимовъ повѣсилъ на гвоздь шинель и, быстро забѣжавъ впередъ, распахнулъ выходную дверь въ тотъ самый моментъ, когда Савельевъ собирался толкнуть ее носкомъ сапога.

Глубокая тьма глянула на Савельева изъ двери.

Когда онъ переступилъ порогъ въ лицо ему хлестнулъ вѣтеръ съ мелкимъ, какъ песокъ, дождемъ.

Крыльцо было мокро. Прямо передъ крыльцомъ блестѣла лужа.

Какая-то темная фигура маячила смутно налѣво отъ крыльца, гдѣ на землѣ тоже тускло блестѣли лужи.

Савельевъ обернулся назадъ и спросилъ тихо:
— Гдѣ она?

И сейчасъ же по лужамъ захлопали лошадиныя копыта. Темная фигура подалась впередъ, стала опредѣленнѣй, словно выплыла изъ мрака...

Савельевъ разглядѣлъ грудь лошади, ея лобъ и уши и колѣнные чашки; на груди, на лбу и на колѣнныхъ чашкахъ лежалъ слабый отблескъ изъ окна.

II.

Савельевъ зажегъ лампу и заперъ дверь своей комнаты.

Онъ подаль стулъ этой стройной дѣвушкѣ, съ большими карими глазами на немного блѣдномъ кругломъ лицѣ съ крупными губами и сталъ около стола.

Онъ стоялъ, опустивъ голову, опираясь одной рукой о столъ, а другой подергивая усы.

Онъ не зналъ съ чего онъ начнетъ допросъ.

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на дѣвушку изподлобья и сейчасъ опять отводилъ глаза въ сторону... Брови у него чуть-чуть вздрагивали, слабо обозначались на лбу почти незамѣтныя морщинки,—словно легкая тѣнь набѣгала на лобъ...

Наконецъ онъ заговорилъ.

— Вы откуда?

И блеснулъ глазами снизу вверхъ и немного вкось. (Онъ стоялъ къ ней бокомъ). Пальцы его лѣвой руки медленно пока онъ смотрѣлъ на нее пристально и внимательно, поползли по усу; полуоткрывъ ротъ онъ сунулъ кончикъ уса между зубами.

Она смотрѣла внизъ, сложивъ на колѣняхъ руки.

Казалось, она разсматривала тоненькое золотое колечко у себя на пальцѣ. Потомъ она подняла голову.

Она смотрѣла на него такъ, какъ будто бы не слышала, что онъ сказалъ или прислуши-

валась къ чему-то, можетъ быть къ звуку его голоса, можетъ-быть еще къ чему-нибудь.

И ему казалось, что изъ ея глазъ уходитъ что-то въ ихъ темную глубину. Точно тонетъ въ нихъ что-то, какая-то мысль, которая сейчасъ, когда она сидѣла такъ, опустивъ голову и кругомъ было тихо, выплыла изъ души и пугливо опять скрылась, сіяя умирающимъ яснымъ свѣтомъ.

Казалось она сама его не видѣла и не замѣчала — по крайней мѣрѣ въ первое мгновенье.

Онъ хотѣлъ повторить свой вопросъ и замѣтилъ вдругъ, что она вздрогнула слабой дрожью и будто чуть-чуть метнулась назадъ. Ему показалось даже, что губы у нея полуоткрылись немного, будто она хочетъ говорить.

Но она не сейчасъ заговорила.

Секунду или двѣ она сидѣла молча и совсѣмъ неподвижно.

— Что вы? — произнесла она тихо.

Глаза широко открылись.

— Я спрашиваю васъ, откуда вы?

Она назвала какой-то незначительный городишка на одномъ изъ южныхъ острововъ Японіи.

Названіе города казалось ему совсѣмъ неизвѣстнымъ. Но онъ порылся въ памяти и вспомнилъ, что, кажется, встрѣчалъ гдѣ-то это мудреное слово, можетъ-быть въ газетахъ, можетъ-быть на картѣ.

— Такъ, — сказалъ онъ и наклонилъ голову. Потомъ опять поднялъ голову.

— А зачѣмъ вы сюда прибыли?

Онъ ей смотрѣлъ пристально прямо въ глаза, по-прежнему теребя усъ концами пальцевъ.

— Въ «Красный Крестъ...»

Онъ невольно вздрогнулъ и выпрямился. Его точно шатнуло.

Онъ говорилъ уже съ ней нѣсколько минутъ, но, казалось, онъ только сейчасъ поймалъ тонъ ея голоса. Какъ и тогда, въ глазкахъ, когда она подняла ихъ на него, въ ея голосѣ теперь словно вспыхнуло что-то и быстро вдругъ погасло...

И это то, что было въ ея голосѣ словно толкнуло его въ грудь.

И, опустивъ опять голову, онъ постарался возобновить въ памяти эту ея фразу, произнесенную немного картаво (онъ только въ эту минуту замѣтилъ, что она картавитъ). И когда онъ мысленно повторялъ слово за словомъ, что она сказала, ему чудилось, будто онъ слышитъ какой-то крикъ, или стонъ, или вопль...

Онъ взглянулъ на нее.

Она сидѣла передъ нимъ, высоко поднявъ голову.

Она точно хотѣла ему показать себя всю.

Онъ видѣлъ какъ нервно дрогнули ея губы и вѣки. Изъ-подъ вѣкъ сверкнули глаза горячимъ широкимъ свѣтомъ.

И постепенно все лицо освѣтилось... Точно блеснуло изнутри что-то ясное и свѣтлое. Точно солнце вошло въ душѣ и брызнуло огнемъ.

Онъ сказалъ неровнымъ голосомъ:

— Вы что сказали?

Она поднялась.

— Въ «Красный Крестъ»!

Голось ея зазвенѣлъ..

— Да вѣдь вы японка... Вы нашъ врагъ!

Она отвѣтила словно заученнымъ отвѣтомъ, вся трепеща:

— Для страданія нѣтъ родины!..

Можеть быть это было нѣсколько книжно, но слова у ней рвались изъ души,—онъ это видѣлъ, чувствовалъ самъ своей душою...

Свѣтъ лился широкой зорей изъ ея души, горѣлъ въ глазахъ, звенѣлъ въ голосѣ и вмѣстѣ съ нимъ вырвался изъ души этотъ крикъ...

.
Черезъ полчаса ея нужно было отправить дальше по начальству...

Ее увезли.

А онъ не могъ потомъ уснуть до самаго утра. Кругомъ былъ мракъ и тишина. Мракъ на всемъ необъятномъ пространствѣ великой степи... Можеть быть, она—шпіонка, можеть быть...

А если нѣтъ?

И ему стало необыкновенно легко, почти весело.

Кругомъ мракъ, темная ночь. Ночь окутала эту дикую страну. А что-то свѣтитъ въ ней. Блестятъ кое-гдѣ искорки.

Словно колыхало ему что-то душу...

«Для страданія нѣтъ родины!»

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
На развѣдкѣ	3
Предатель	21
Харакири.	35
Охотники.	52
Темной ночью.	72

Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова. Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

- Альтенбергъ, П. „Эскизы“. 50 к.
Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Изд. 2-е, дополненное. 75 к.
— Образцы изящной русской рѣчи. Сборникъ. 1 р.
Аузрбахъ. Дача на Рейнѣ. Изд. 2-е. 2 р.
— Три единствен. дочери. Изд. 2-е. 50 к.
Бильзе, лейтен. Изъ жизни одного маленькаго гарнизона. 1 р.
Браунъ, Лили. Женскій вопросъ. 2 р.
Бернштейнъ. Проблемы социализма. 1 р.
Бейерлейнъ, Фр. А. Йена или Седанъ? Романъ. 2 р.
Бурже, П. Изъ-за любви. 50 к.
— Трагическая идилия. 1 р. 50 к.
— Дѣловой человѣкъ. 75 к.
— Призракъ. 1 р.
— Этапъ. 1903 г. 1 р. 50 к.
Бьернсонъ. Свыше нашей силы. 50 к.
Викторовъ П. Ученіе о личности. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
— Новый взглядъ на природу любви и брака. 30 к.
Вербицкая. Освободилась. 1 р.
— Преступленіе Маріи Ивановны. 1 р.
Вогюэ. Голоса мертвыхъ. 1 р.
— Антонъ Чеховъ. 20 к.
— Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
Гартманъ Эд. Современ. психологія, подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
Гауптманъ Г. Роза Берндъ. 40 к.
Герцъ. Аграрные вопросы въ связи съ социализмомъ. 1 р.
Геффдингъ, Г. Философскія проблемы. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. 50 к.
Денисюкъ. Краткій повторительный курсъ теоріи и исторіи политической экономіи примѣнительно къ курсу университета. 75 к.
Джеромъ К. Джеромъ. Павелъ Кельверъ. 1 р. 50 к.
Записки Горона. Отъ нашествія до „анархіи“. Среди преступленій. 1 р.
— Мошеники высшей школы и воровскія шайки. Полиція будущаго. 80 к.
Золя. Нана. Ром. 1 р.
— Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
— Трудъ. Ром. 1 р. 50 к.
Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. 1 р.
Крестовская, М. Артистка. 2 р.
— Исповѣдь Мытищева. Вопль. 1 р.
— Сынъ и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
— Ревность и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
— Въ жизни и др. рассказы. Изд. 3-е. 1 р.
— Раннія грозы. Испытаніе. Изд. 3-е. 1 р.
Кюльпе. Современная философія въ Германіи. 80 к.
Ли, Юн. Дочери командора. Ром. Изд. 2-е. 60 к.
Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. 1 р. 25 к.
— Тайны жизни. 1 р. 25 к.
— Избранные рассказы. 1 р.
— 20 лѣтъ назадъ. 1 р. 25 к.
— Вопросы и запросы жизни. 1 р.
— Недочеты жизни современной женщины. 50 к.
Любичъ-Кошуровъ. Братъ челоѣчества. 75 к.
— Боевая жизнь. 30 к.
Масницій И. Проказники. 1 р. 25 к.
— Гостинодворцы. Пов. 2 р.
— Милые люди. Изд. 3-е. 1 р.
— Мануфактуръ-совѣтникъ. 2 р.
— Наши ближніе. 1 р.
— Свадьба и др. разск. 1 р.
— Бѣсъ-дѣвка. 1 р.
— Омосквичился! 25 к.
— Безъ языка. Изд. 2-е. 1 р.
— Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р. 25 к.
— Ихъ степенства. Изд. 3-е. 1 р. 50 к.
— Житейскія комедіи. Юмор. сб. 1 р.
— Отъ скуки. Юмор. сборникъ. 1 р.
— Струйки смѣха. Изд. 2-е. 1 р.
— Приключенія Жоржа Бантѣкова и Сержа Кантѣкова. 1 р.
— Мужья и жены. Изд. 2-е. 1 р.
— Веселые рассказы. 1 р.
— Господа коммерсанты. 1 р.
— Блестки юмора. 1 р.
— Юмористическія шалости. 1 р.
— 24 юморист. рассказа. 1 р.
— Старообрядка. Романъ. 2 р.
— И смѣхъ и грѣхъ. Юмор. сб. 1 р.
— Безъ претензій. Юмор. сб. 1 р.
Метерлинкъ, М. Собр. сочин. Піесы. 1 р. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. 1 р.
— Уральскіе рассказы, т. 4-й. 1 р.

Маминь-Сибирякъ. Преступники. 1 р.
— Повѣсти. 1 р.
— Безъ названія. 1 р. 25 к.
— Золото. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
— Приваловскіе милліоны. Изд. 2-е. 2 р.
— Золотая муха и др. разск. 1 р.
— Человѣкъ съ прошлымъ 1 р.
— Вкругъ ракитова куста и др. раз-
сказы. 1 р.

Мопассанъ. Дядя Милонъ. 60 к.
— Воскресные дни парижскаго бур-
жуа. 1 р.

Негри, Ада. Борьба и любовь. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Гроза. 1 р. 50 к.
— Новые рассказы. 75 к.
— Вольный Шамхоръ. 1 р. 25 к.
— Городской голова. 1 р. 25 к.
— Царица Тамара. 1 р.
— Семья богатырей. 1 р. 50 к.

Наживинъ. Дешевые люди. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Влад. Сны. 1 р.
— Губернаторская ревизія. 1 р.
— Въ степи. 1 р. 25 к.

Нордау, М. Комедія чувства. 1 р.
— Современные французы. 1 р. 25 к.
— Болѣзнь вѣка. 1 р. 50 к.

Николаевъ, П. Ѡ. Вопросы жизни. 2 р.

Ницше, Фр. Такъ говорилъ Заратустра.
Изд. 2-е. 1 р.

— По ту сторону добра и зла. 1 р.
— Сумерки кумировъ. Изд. 2-е. 1 р.
— Происхожд. трагедіи. 1 р. 25 к.
— Человѣческое, слишкомъ человѣче-
ское. 1 р. 25 к.

— Человѣкъ, какъ онъ есть. 1 р. 25 к.
— Странникъ и его тѣнь. 1 р.
— Утренняя заря. 1 р. 25 к.
— Веселая наука. 1 р. 25 к.

Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе
и община. Изд. 3-е. 2 р.

Оржешко. Аргонавты. 1 р. 25 к.
— Дымъ. 30 к.
— Открытое письмо къ нѣмецкимъ жен-
щинамъ и французамъ о полькѣ.
40 к.

— Анастасія. 60 к.

Оствальдъ. Натур. философія подъ ред.
М. М. Филиппова. 2 р.

Прево, М. Полудѣвы. Ром. 1 р.
— Послѣднія письма женщинъ. 60 к.
— Женское движеніе. 1 р.
— Счастливое супружество. 60 к.

Прево, М. Желтое домино. 50 к.

— Мелкіе рассказы. 60 к.

Пелисье. Критическіе этюды современ-
ной литературы. 1 р.

Ресслеръ, Р. Электродвигатели перемен-
наго и трехфазнаго тока. 1 р. 50 к.

Риль. Введеніе въ современную фило-
софію. 1 р.

Скопинъ, В. Средняя Азія и Индія. 75 к.

Сенневичъ. Крестоносцы. 2 р. 50 к.

— Камо грядеши. 1 р. 50 к.

— Панъ Володьевскій. 1 р. 50 к.

— Потопъ. 2 т. 3 р.

Саловъ. Мелочи жизни. 1 р. 25 к.

— Несобравшіяся дрожжи. 60 к.

— Босоножка. 40 к.

— Три рассказа. 75 к.

Сайсъ. Хеттеи или исторія забытаго
царства. 60 к.

Тагѣвъ, Бор. По Афганистану. 50 к.

Уваровъ, П. С. Типы и нравы Сахалина.
1 р. 25 к.

Фулье. Исторія философіи. 2 р. 50 к.

Флери, д-ръ. Физическое и нрав. вос-
питаніе ребенка. 75 к.

фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жиз-
ни. По поводу Крейцеровой со-
наты. Изд. 3-е. 40 к.

фонъ-Поленецъ. Крестьянинъ. 1 р. 20 к.

Шнитцлеръ. Трилогія. 50 к.

— Тетралогія. 75 к.

Шопенгауэръ. Миръ, какъ воля и предста-
вленіе. Том. 1-й 3 р. Томъ 2-й 3р.

— О четвероякомъ корнѣ закона до-
статочнаго основанія. 75 к.

Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. 1 р.

— Ничтожные міра сего. Изд. 3-е. 1 р.

— Незамѣтные люди. Изд. 3-е. 1 р.

— Письма издалека. 1 р.

— Около кулисъ. 1 р.

— Трудящіеся и обремененные. 1 р.

— Страницки жизни. 1 р.

— Счастье. Изд. 2-е. 1 р.

— Изъ женскихъ писемъ. Изд. 2-е. 1 р.

— Принцесса Греза (пер. въ стих.).

— Соч. Ростана. 1 р.

— Монна Джіованна (пер.), соч. Ме-
терлинка. 60 к.

— Бѣдный Генрихъ (пер.), соч. Гаупт-
мана. 75 к.

— На солнцѣ и въ тѣни. 1 р.

Японія, Корея и Манчурія. Справоч-
ная книга. 30 к.

Собрание сочинений А. КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

1-я СЕРІЯ.

- 1 т. Красное по бѣлому. Ц. 60 к. 2 т. Знакъ четырехъ. Ц. 60 к.
3 т. Приключенія Шерлока Гольмса. Ц. 70 к. 4 т. Баскервильская собака. Ц. 75 к. 5 т. Разказы о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 70 к.
6 т. Новыя похождения Шерлока Гольмса. Ц. 60 к. 7 т. Воспоминанія о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 60 к. 8 т. Возвращеніе Шерлока Гольмса. Ц. 60 к. Тома 9 и 10 печатаются. Цѣна по подпискѣ за 10 томовъ 4 р., съ пересылкой 5 р.

2-я СЕРІЯ.

- 1 т. Изгнанники, ист. ром. Ц. 1 р. 2 т. Новые разказы. Ц. 60 к.
3 и 4 т. Торговый домъ „Гёрдльстонъ и Ко“, ром. Ц. 1 р. 75 к.

Собрание сочинений Э. ВЕРНЕРЪ. 1-я серия.

- 1) Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Ц. 1 р. 2) У алтаря. Германъ. Ц. 1 р. 50 к. 3) Цвѣтокъ счастья. Вѣстники весны. Ц. 1 р. 50 к.
4) Дорогой цѣной. Ц. 1 р. 25 к. 5) У Орлиной скалы. Ц. 1 р. 50 к.
6) Сила воли. Ц. 1 р. 50 к. 7) Въ добрый часъ. Ц. 1 р. 8) Горная фея. Ц. 1 р. 25 к. 9) Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к.
10) Герой пера. Голоса родины. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-й серии 10 р., съ пер. 11 р.

2-я серия.

- 1) Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к. 2) Орлиный полетъ. Ц. 50 к. 3) Судь Божій. Ц. 1 р. 4) Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к. 5) Эгоистъ. Высшая точка зрѣнія. Ц. 1 р. 6) Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Ц. 1 р. 7) Заколдованное золото. Ц. 1 р. 8) Блуждающіе огни. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серии 6 р., съ пер. 7 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серии соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Собрание сочинений ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМА.

- 1) Замѣтки романиста. Ц. 1 р. 25 к. 2) На лодкѣ. (Три человѣка въ лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) Объ умѣннн обращатьея съ женщинами. Ц. 1 р. 4) Трое на двухъ велосипедахъ. Ц. 1 р. 5) Очаровательная женщина. Ц. 1 р. 6) Праздныя мысли лѣнтя. Ц. 1 р. 7) Миръ сцены. Ц. 1 р. 8) Дневникъ путешественника. Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

Собрание сочинений Е. МАРЛИТТЪ.

- 1) Тайна старой дѣвы. Ц. 1 р. 25 к. 2) Имперская графиня Гизела. Ц. 1 р. 50 к. 3) Въ домѣ коммерціи совѣтника. Ц. 1 р. 50 к. 4) Въ домѣ Шиллинга. Ц. 1 р. 50 к. 5) Вторая жена. Ц. 1 р. 6) Эльза. Ц. 1 р. 50 к. 7) Степная принцесса. Ц. 1 р. 50 к. 8) Совинный домъ. Ц. 1 р. 50 к. 9) Женщина съ рубинами. Ц. 1 р. 50 к. 10) Повѣсти и разказы. Ц. 1 р. 50 к. За 10 т. 10 р., съ пер. 11 р.

инь-Сибирянь. Преступники. 1 р.
Повѣсти. 1 р.
Безъ названія. 1 р. 25 к.
Золото. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
Приваловскіе милліоны. Изд. 2-е. 2 р.
Золотая муха и др. разск. 1 р.
Человѣкъ съ прошлымъ 1 р.
Вкругъ ракитова куста и др. раз-
сказы. 1 р.
всань. Дядя Милонъ. 60 к.
Воскресные дни парижскаго бур-
жуа. 1 р.
и, Ада. Борьба и любовь. 50 к.
ировичъ-Данченко, Вас. Гроза. 1 р. 50 к.
Новые рассказы. 75 к.
Зольный Шамхоръ. 1 р. 25 к.
Городской голова. 1 р. 25 к.
Царица Тамара. 1 р.
Семья богатыхъ. 1 р. 50 к.
ивинъ. Дешевые люди. 1 р.
ировичъ-Данченко, Влад. Сны. 1 р.
Губернаторская ревизія. 1 р.
Зъ степи. 1 р. 25 к.
ау, М. Комедія чувства. 1 р.
Современные французы. 1 р. 25 к.
Болѣзнь вѣка. 1 р. 50 к.
лаевъ, П. Ѡ. Вопросы жизни. 2 р.
е, Фр. Такъ говорилъ Заратустра.
Изд. 2-е. 1 р.
Ю ту сторону добра и зла. 1 р.
Зумерки кумировъ. Изд. 2-е. 1 р.
Троисхожд. трагедіи. 1 р. 25 к.
Человѣческое, слишкомъ человѣче-
ское. 1 р. 25 к.
Человѣкъ, какъ онъ есть. 1 р. 25 к.
Странникъ и его тѣнь. 1 р.
Утренняя заря. 1 р. 25 к.
Зеленая наука. 1 р. 25 к.
ценбергъ. Будда, его жизнь, ученіе
и община. Изд. 3-е. 2 р.
эшно. Аргонавты. 1 р. 25 к.
Дымъ. 30 к.
Открытое письмо къ нѣмецкимъ жен-
щинамъ и французамъ о полькѣ.
40 к.
Анастасія. 60 к.
альдъ. Нагур. философія подъ ред.
М. М. Филиппова. 2 р.
ю, М. Полудѣвы. Ром. 1 р.
Послѣднія письма женщинъ. 60 к.
Женское движеніе. 1 р.
Счастливое супружество. 60 к.

Превъ, М. Желтое домино. 50 к.
— Мелкіе рассказы. 60 к.
Пелисье. Критическіе этюды современ-
ной литературы. 1 р.
Ресслеръ, Р. Электродвигатели перемен-
наго и трехфазнаго тока. 1 р. 50 к.
Риль. Введеніе въ современную фило-
софію. 1 р.
Скопинъ, В. Средняя Азія и Индія. 75 к.
Сенкевичъ. Крестonosцы. 2 р. 50 к.
— Камо грядеши. 1 р. 50 к.
— Панъ Володыевскій. 1 р. 50 к.
— Потопъ. 2 т. 3 р.
Саловъ. Мелочи жизни. 1 р. 25 к.
— Несобравшіяся дрожжи. 60 к.
— Босоножка. 40 к.
— Три рассказа. 75 к.
Сайсъ. Хеттеи или исторія забытаго
царства. 60 к.
Татѣевъ, Бор. По Афганистану. 50 к.
Уваровъ, П. С. Типы и нравы Сахалина.
1 р. 25 к.
Фулье. Исторія философіи. 2 р. 50 к.
Флери, д-ръ. Физическое и нрав. воспи-
таніе ребенка. 75 к.
фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жиз-
ни. По поводу Крейцеровой со-
наты. Изд. 3-е. 40 к.
фонъ-Поленць. Крестьянинъ. 1 р. 20 к.
Шнитцлеръ. Трилогія. 50 к.
— Тетралогія. 75 к.
Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и предста-
вленіе. Том. 1-й 3 р. Томъ 2-й. 3 р.
— О четвероюкомъ корнѣ закона до-
статочнаго основанія. 75 к.
Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. 1 р.
— Ничтожные міра сего. Изд. 3-е. 1 р.
— Незамѣтные люди. Изд. 3-е. 1 р.
— Письма издалека. 1 р.
— Около кулисъ. 1 р.
— Трудяющіеся и обремененные. 1 р.
— Странички жизни. 1 р.
— Счастье. Изд. 2-е. 1 р.
— Изъ женскихъ писемъ. Изд. 2-е. 1 р.
— Принцесса Греза (пер. въ стих.).
— Соч. Ростана. 1 р.
— Монна Джіованна (пер.), соч. Ме-
терлинка. 60 к.
— Бѣдный Генрихъ (пер.), соч. Гаупт-
мана. 75 к.
— На солнцѣ и въ тѣни. 1 р.
Японія, Корея и Манчжурія. Справочн.
книга. 30 к.

Собрание сочинений А. КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

1-я СЕРИЯ.

- 56 ц
- 1 т. Красное по бѣлому. Ц. 60 к. 2 т. Знакъ четырехъ. Ц. 60 к.
3 т. Приключенія Шерлока Гольмса. Ц. 70 к. 4 т. Баскервильская собака. Ц. 75 к. 5 т. Разказы о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 70 к.
6 т. Новыя похождения Шерлока Гольмса. Ц. 60 к. 7 т. Воспоминанія о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 60 к. 8 т. Возвращеніе Шерлока Гольмса. Ц. 60 к. Тома 9 и 10 печатаются. Цѣна по подпискѣ за 10 томовъ 4 р., съ пересылкой 5 р.

2-я СЕРИЯ.

- 1 т. Изгнанники, ист. ром. Ц. 1 р. 2 т. Новые разказы. Ц. 60 к.
3 и 4 т. Торговый домъ „Гёрдльстонъ и К^о“, ром. Ц. 1 р. 75 к.

Собрание сочинений Э. ВЕРНЕРЪ. 1-я серия.

- 1) Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Ц. 1 р. 2) У алтаря. Германъ. Ц. 1 р. 50 к. 3) Цвѣтокъ счастья. Вѣстники весны. Ц. 1 р. 50 к.
4) Дорогой цѣной. Ц. 1 р. 25 к. 5) У Орлиной скалы. Ц. 1 р. 50 к.
6) Сила воли. Ц. 1 р. 50 к. 7) Въ добрый часъ. Ц. 1 р. 8) Горная фея. Ц. 1 р. 25 к. 9) Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к.
10) Герой пера. Голоса родины. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-й серии 10 р., съ пер. 11 р.

2-я серия.

- 1) Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к. 2) Орлиный полетъ. Ц. 50 к. 3) Судъ Божій. Ц. 1 р. 4) Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к. 5) Эгоистъ. Высшая точка зрѣнія. Ц. 1 р. 6) Смѣлымъ Богъ владѣеть. Ц. 1 р. 7) Заколдованное золото. Ц. 1 р. 8) Блуждающіе огни. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серии 6 р., съ пер. 7 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серии соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Собрание сочинений ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМА.

- 1) Замѣтки романиста. Ц. 1 р. 25 к. 2) На лодкѣ. (Три человекъ въ лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) Объ умѣнїи обращаться съ женщинами. Ц. 1 р. 4) Трое на двухъ велосипедахъ. Ц. 1 р. 5) Очаровательная женщина. Ц. 1 р. 6) Праздныя мысли лѣнтяя. Ц. 1 р. 7) Миръ сцены. Ц. 1 р. 8) Дневникъ путешественника. Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

Собрание сочинений Е. МАРЛИТТЪ.

- 1) Тайна старой дѣвы. Ц. 1 р. 25 к. 2) Имперская графиня Гизела. Ц. 1 р. 50 к. 3) Въ домѣ коммерціи совѣтника. Ц. 1 р. 50 к. 4) Въ домѣ Шиллинга. Ц. 1 р. 50 к. 5) Вторая жена. Ц. 1 р. 6) Эльза. Ц. 1 р. 50 к. 7) Степная принцесса. Ц. 1 р. 50 к. 8) Совиный домъ. Ц. 1 р. 50 к. 9) Женщина съ рубинами. Ц. 1 р. 50 к. 10) Повѣсти и разказы. Ц. 1 р. 50 к. За 10 т. 10 р., съ пер. 11 р.